

РУССКІЯ

СКАЗКИ,

ИЗЪ ПРЕДАНІЯ НАРОДНАГО ИЗУСТНАГО НА ГРАМОТУ ГРАЖДАНСКІЮ ПЕРЕЛОЖЕННЫЯ, КЪ БЫТУ ЖИТЕЙСКОМУ ПРИНАРОВЛЕННЫЯ И ПОГОВОРКАМИ ХОДЯЧИМИ РАЗУКРАШЕННЫЯ

Казакомъ

ВЛАДИМИРОМЪ ЛУГАНСКИМЪ.

— И много за моремъ грибовъ,
да не по нашему кузову!

ПЯТОКЪ ПЕРВЫЙ.

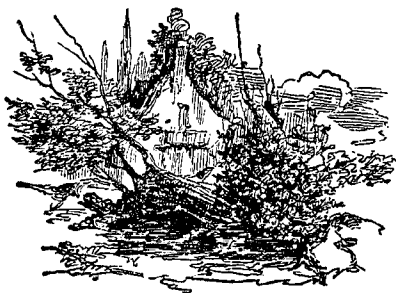
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ПЛЮШАРА.
1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ :

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпе-
тербургъ, 7 Августа 1852 года.

Ценсоръ Стат. Сов. *Никита Бутырскій.*

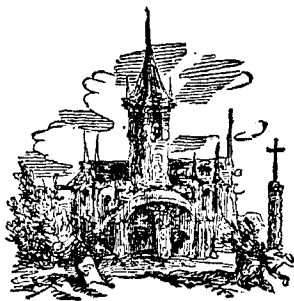

Гдѣ наши головы масленныя, узорчашья, бороды чесаныя, мухорчашья, усики вишье бахромчашья? Гдѣ кафшаны смурые бархашные, шляпы бурый поярковья, кушаки шелковы-бухарскіе, армяки панарскіе, рубахи щегольскія красныя, рукавицы вырѣспковья, песненныя, шаровары полосашья, сапоги со каймою спроченные, на рубахахъ запонки грашенныя, на кафшанахъ заспежки золоченныя? Ой было, было, время на Руси, чпо ходилъ мѡлодецъ въ кафшанѣ, ходила дѣвка въ сарафанѣ!

Люди добрые! спарые и малые, ребятишки на деревянныхъ коникахъ, спа-

рички съ клюками и подпорками, дѣвушки, невѣсты Русскія! идите спарь и малъ слушають сказки чудныя и прихотливыя, слушають были небылицы Русскія! А кто знаетъ грамогъ скорописной великороссійской, садись пиши записывай, на бѣло семь разъ переписывай, знай помалчивай, словечка не роняй! Изъ каждаго листа выходишь придвадцать двѣ оберпки на записки нашимъ барышнямъ-красавицамъ: ополчисея, доблестные сыны опечесова, да не посрамимъ земли своея! Полно дѣвицамъ невѣстамъ нашимъ ходишь-носишь кудри вязанья-сырцовыя, плешеныя-шелковыя; у насъ на Руси и собачка каждая въ своей шерсти ходишь, а косы Русскія мягче шелку Шамаханскаго, чище стекла Богемскаго! Пишите молодцы задорные, пишите и печатайте вирши въ Альбомы, въ Альманахи, пишите по заморскому, шакъ скоро изъ мапушки Россіи пойдетъ вывозъ черновой бумаги за море въ чужіе краи!

А вы, вычурны заморскіе, переводня
сьмени Русскаго, вы хватны голосисные,
сь брызжами да сь жабошами, сь ба-
динками да сь вишными проспючками,
вы садитесь въ дилижансы, да поѣзжайте
за море, въ модныя магазины; поѣзжайте
шуда, опколѣ къ намъ возице на
показъ, ваша брашья, ученыхъ обезьянъ;
изыдите; не про лукаваго молишва
чипается, а опгъ лукаваго. Аминь.

СКАЗКА ПЕРВАЯ,

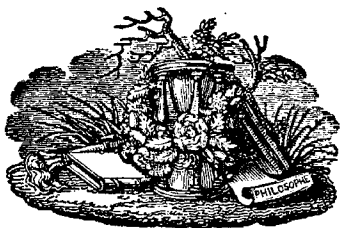
о Иванѣ молодомъ Сержантѣ удалой
головѣ, безъ роду безъ племени, спроста
безъ прозвища.

МИЛЫМЪ СЕСТРАМЪ МОИМЪ

ПАВЛЪ И АЛЕКСАНДРЪ.

СКАЗКА ПЕРВАЯ,

О ИВАНЬ МОЛОДОМЪ СЕРЖАНТЪ УДАЛОЙ ГО-
ЛОВЬ, СПРОСТА БЕЗЪ ПРОЗВИЩА, БЕЗЪ РОДУ
БЕЗЪ ПЛЕМЕНИ.

Сказка изъ похожденій слагается, при-
сказками красуется, небылицами ми-
нувшими опъывается, за былями буд-
нишними не гоняется; а кпо сказку
мою слушать собирается, топть пусть
на Русскія поговорки не прогнѣвается,
языка доморощенога не пугается; у
меня сказочникъ въ лаптяхъ; по пар-
кетамъ не шапывался, своды распи-
сныя рѣчи запѣйливья только по сказ-

камъ однѣмъ и знаешъ. А кому сказка моя про Царя Дадона золошаго кошеля, про двѣнадцать князей его, про конюшихъ, спольниковъ, блюдолизовъ придворныхъ, про Ивана молодого сержанпа удалую голову спроспа безъ прозвища безъ роду безъ племени и прекрасную супругу его дѣвицу Каперину, не по нупру, не по нраву — шопть садись за грамопы французскія, переплелы сафьяновые, листы золошобрѣзные, чипай бредни високоумныя! Счастливый путь ему на ахинеи, на баклуши, заморскія; не выдашь ему спороны запѣйливой какъ ушей своихъ; не выдашь и гуслей самогудовъ: сами заводятся, сами пляшущь, сами играющь, сами пѣсни поющь; — не выдашь и Дадона золошова кошеля, ни чудесь неимовѣрныхъ, Ивановъ молодымъ сержанпомъ созидаемыхъ! А мы, люди шемные, не за большимъ гоняемся, сказками попѣшаемся, съ вѣдьмами, съ чародѣями, якшаемся. — Въ нашей сказкѣ на всякаго плясуна по

погудкѣ, про куму Соломониду спрашши напасши, про насъ со свапомъ смѣхи пошѣхи!

Въ нѣкопоромъ самодержавномъ Царствѣ, чю за придевяшь земель за придесяшымъ Государствомъ, жилъ былъ Царь Дадонъ золопой кошель. У эшого Царя было великое множество подвластныхъ князей : князь Панкрапій, князь Климиъ, князь Кондрапій, князь Трофимъ, князь Игнапій, князь Евдокимъ, много другихъ такихъ же, и сверхъ того правдолюбивые сердобольные Миниспры, Фельдмаршалъ Кашинъ, Генераль Дюжинъ, Губернапоръ Графъ Чихиръ пяпашная голова, да спроевова боевова войска Иванъ молодой сержанпъ удалая голова безъ роду безъ племени спроспа безъ прозвища. Его-то Царь Дадонъ любилъ за вѣрную службу его, и жаловалъ неоднократно большими чинами, деньгами, ленпами первокласными, знапочеканными кавалеріями, креспами, медалями и орденами. Таковая милость

Царская подвела его подъ зависпть вель-
можь и бояръ придворныхъ, и пришли
они въ полномъ облаченіи своемъ къ
Царю, и принявъ слово спали шакую
рѣчь говоришь : Зачпо, Государь, из-
волишь жаловашь Ивана молодова сер-
жанпа милоспями - почеспями своими
Царскими, осьпашь благоволеніями
многокрапными на ровнѣ съ швоими
полководцами? Мы, не въ похвальбу ска-
зано, не въ укорѣ помянушо, мы, ка-
жешся, для шебя большаго спомнѣ;
собираемъ съ креспьянѣ подаши оброки
хорошіе, живемъ не по холопши, хлѣ-
бомъ-солью, швомъ-медомъ угощаемъ
и чествуемъ всякаго, носимъ на себѣ
чины и званія Генеральскіе, копорые на
свѣтѣ цбняпся выше чина капраль-
скаго.

Царь эпопть царспвоваль какъ мед-
вѣдъ въ лѣсу дуги гнешь : гнешь не
парипть, переломипть не пужипть ! Онѣ,
послушавъ правдолюбивыхъ и сердо-
больныхъ Совѣшниковъ своихъ, прика-

заль немедленно опобрашь опть Ивана
молодаго сержанпа удалой головы безъ
роду безъ племени спроспа безъ
прозвища всь докуменпы Царскіе, чи-
ны, ордена, започеканныя медали, и
пошло ему опяшь жалованье солдапское,
просное, житье плохое, и спали со
дня на день налегашь на него болъе
вельможи, бояре Царскіе, спали клеве-
шашь, обносипь, оговаривашь. Под-
спръленнаго сокола и ворона носомъ
долбипь; свалсь полько съ ногъ, а за
пычками дьло не спанешь! Бился, бился
нашъ Иванъ — какова добра еще дожи-
дашься? Надувшисъ на пиво, его не вы-
пешь; глядя на лѣсъ не выростешь, а
смопря на людей богашь не будешь.
Задумаль онъ наконецъ худое дьло сдѣ-
лашь, бѣжашь изъ службы Царской —
земля Государева не клиномъ сошлась;
бѣглому одна дорога, а погонщикамъ
спо; а поймаюшь — воля Божья, судъ
Царевъ: хуже худова не бывашь, а
здѣсь не сдобрашь. Выждалъ онъ ночь

попемнѣе, собрался и пошелъ, куда глаза глядятъ, куда снопы понесутъ молодецкія!

Пріяпель нашъ не хорошо сдѣлалъ, что сбѣжалъ, о томъ ни слова, но и по сказашъ, человекъ не скопина; шерпигъ напраслину до поры до времени, а пошла брага черезъ край, такъ и не сговоришь! Испо доволь и ольху согнешь, а крупъ и вязъ переломишь!

Не успѣлъ вышши Иванъ нашъ на первый перекрестокъ, видигъ вспрѣчаешъ, глазамъ своимъ молодецкимъ не доврѣяешъ, видигъ прекрасную дѣвицу; споишь дѣвица Катерина, что пшоя красная малина! разодѣшая, разубраная, какъ ряженая суженая! — Она поклонилась обязапельно, привѣщспивовала милоспиво и спросила съ ласкою: кшо онъ шаковъ, куда и зачѣмъ идешъ или посланъ, по своему ли желанью или по чѣму приказанью? Не порописъ къ худу Иванъ молодой сержангъ удалая ты голова безъ роду безъ племени спроспа

безъ прозвища, продолжала она, а держись блага — послушай пы моего дѣвичьяго разума глупаго, будешь умнѣе умнаго: задумалъ пы худое дѣло дѣлашь, бѣжаешь изъ службы Царской, не схоронишь пы концевъ въ воду, выйдешь черезъ годъ со днемъ наружу грѣхъ швой, пропадешь за побѣгъ вся служба швоя; подумай-ка пы лучше думу да воропись; не всѣмъ въ изобиліи въ раздольи жишь припѣваючи, бѣлорыбницей по Волгѣ рѣкѣ разгуливать; кто служишь, попь и шужишь; ложку меду, бочку дегтю — не съешь горькаго, не поешь и сладкаго, не смазавъ дегтемъ, не поедешь и по брагу! Мало славы служишь изъ одной корысти; нѣтъ Иванъ, послужи — ка пы своему Царю заморскому, подъ оговоромъ, подъ клеветною, вѣрою и правдою, какъ служишь на Руси, изъ одной ревности да изъ чести! Воропись, Иванъ молодой сержантъ, да женись пы на мнѣ, шакъ мы бы съ побою и спали жишь да по-

живаешь; любишь такъ скажи, а не любишь откажи! Запросъ въ карманъ не лѣзешь.

Если припѣча короче носа шпичья: женишься не лапошь надѣшь, а однѣ лапы плешуща безъ мѣры, да на всякую ногу приходятся! И испинно; жена не гусли; поигравши на спѣнку не повѣсишь, а съ кѣмъ подъ вѣнецъ съ шѣмъ и въ могилу — приглядись, приноровись, а попомъ женись, примѣрь десяшь разъ а опрѣжь одинъ разъ; на горячей клячь женишься не ѣди! — Все эшо и справедливо и хорошо, но иногда дѣло какъ будно бы напередъ уже слажено, а суженаго и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь! Такъ и шупъ случилось; Капраль нашъ солдапъ, человекъ сговорчивый, подалъ руку дѣвицѣ Каперницѣ -- вотъ по-по свахи наши ахнутъ: чшо за некрещеная земля, гдѣ сговоръ могъ соснояться безъ нихъ!!! — подалъ руку ей, она ему надѣла на персипъ колечко обручальное даровое - завѣнное, дарую-

щее силу и крепость и неизсякающее перпѣніе, вымолвила пригодное слово, и чета наша идесть не идесть, лепишь не лепишь, а до заупрени очутились они въ первопреспольномъ градѣ своемъ, снарядились и обвѣнчались, а съ разсвѣтомъ вспаши молодыми супругами.

И вдругъ опколѣ чпо взялося, пошла Ивану ояпшь прежняя милость Царская, чины и деньги и лепишья награды, и зажилъ онъ припѣваючи домовишымъ хозяиномъ, какъ Ярославской мужикъ. И снова спалъ лукавый мучишь зависпью правдолюбивыхъ сердобольныхъ Министровъ Царскихъ, Фельдмаршала Кашина, Генерала Дюжина, Губернатора Графа Чихиря пяпашную голову, и предложили они единодушно Царю, чпобы Иванъ молодой сержанпъ по крайней мѣрѣ заслужилъ службою милость Царскую, покажалъ бы на дѣлѣ рысь свою упишную лапчашую. Въ слѣдствіе сего Иванъ молодой сержанпъ на упрю вычиспился,

бѣлье наперѣ чловѣчьимъ мясомъ, (*) брюки велѣлъ женѣ вымышь и выкапашь, на себѣ высушилъ, словомъ снаряжился какъ на ординарцы, и явился ко двору. Царь Дадонъ, прерпнувъ его по плечу, вызывалъ службу служивъ — радъ спарашься, опвѣчалъ Иванъ. Чпобы пы мнѣ, продолжалъ Царь, за одинъ день за одну ночь, и всего за однѣ супки, сосчиталъ, сколько сонъ, пысячь, или милліоновъ зеренъ пшеницы въ прехъ большихъ амбарахъ монхъ; и съ развѣстомъ доложилъ мнѣ объ эпомъ. Если сочтешь вѣрно, поидеть снова милосъ Царская, пуще прежняго; а нѣтъ, такъ казнишь, повинную голову рубишь!

Взяла кручинушка Ивана молодова сержанна удалую голову безъ роду безъ племени спроспа безъ прозвища, повѣсилъ онъ головушку на правую споро-

(*) Бѣлье у солдата *что бѣлится*, бѣлая кожная амуниція. Бѣлять ее составомъ изъ бѣлой глины на клею, а натирается она и вымачивается голою рукою.

нушку, пришелъ горемычныйъ домой. О чемъ пужишь-горюешь, очи солдашскія популяешь, п.ш горе спарое мыкаешь-поминаешь? Такъ спросила его благо-вѣрная супруга дѣвица Каперина. — Всевозлюбленная и распрекрасня дражайшая сожигельница моя, держаль опвѣшь Иванъ молодой сержантъ, не безчести въ загонахъ добра молодца, загоняешь и волка, шакъ будетъ овца! Какъ мнѣ не пужишь не горевать, когда Царь Дадонъ, слушая царедворцевъ своихъ, велишь мнѣ службу служить непомѣрную, велишь мнѣ за одинъ день за одну ночь, и всего то, Русскимъ счетомъ, за однѣ сунки счестъ, сколько въ шрехъ большихъ амбарахъ его Царскихъ сопъ, шысячь, или миллионовъ зерень пшеницы — сочпу, шакъ пойдеть милость Царская, а нѣшь, шакъ казнишь, повинную голову рубишь! Эхъ, Иванъ молодой сержантъ удамая шы голова, дражайшій сожигель и супругъ мой! Эшо не служба, а службишка, а служба

будешь впереди! Ложись-ка пы спать, ушро вечера мудренѣе, — завшра вспанемъ, да умывшись и помолвившись подумаемъ. Такъ рекла прекрасная Кашерина; напоила накормила его, и спать положила и прибаюкивала гѣсенкою :

За лѣсами за горами горы да лѣса,
А за тѣми за лѣсами лѣсъ да гора —
А за тою за горою горы да лѣса,
А за тѣми за лѣсами трынь да трава;
Тамъ луга заповѣднымъ дикимъ лѣсомъ поросли
И древа въ томъ лѣсу стоеросовыя
На нихъ шишки простыя не кокосовыя!

Сожишель легъ, зѣвнулъ, заснулъ — а Кашерина вышла за воропы песовыя на крылечко бѣлокаменное, махнула платочкомъ Ишаланскимъ и молвила: ахъ вы любезные мои повьшчики, бапюшкины посольщики, нашему дѣлу помощники, пожалуйста сюда! И пошчасъ опколъ не возмись спарикъ, идешь, клюкой подпираешься, на немъ шапка мошаешься, головой киваешь, бородой слѣдъ замешаешь; спалъ, и послушно

опть повелительницы приказанія ожидаешъ. Сослужи-ка шы мнѣ, вѣщунъ чародѣй, службу, сосчишай до упра, сколько въ прехъ большихъ амбарахъ Государевыхъ счепомъ зеренъ? Ахъ, любезная наша повелительница, дочь родная — кровная нашего опца — командира, это не служба, а службишка, а служба будетъ впереди; самъ какъ свиснешъ да гаркнешъ на своихъ на прикащиковъ шакъ со всѣхъ споронъ налепъли, шма шмушная — что швоя шуча громовая черная! — Какъ принялися за работу, за расчетъ, не довольно по горсти, по зерну на каждого не доспалось! —

Еще черсти на кулачки не бплись, нашъ Иванъ просъшася, глаза прошираешъ, сонъ шяжкій опряхашъ, бѣду неминушую смершь вѣрную ожидаешъ. Вдругъ подходшъ къ нему супруга его благовѣрная, сожшительница Кашерина, грамошу харашейную расчетъ вѣрный зернамъ шшеничнымъ подношшъ. А вѣка шогда были шемные, грамошъ скоро-

писной мало кто зналъ, печатной и въ заводъ не было — церковными буквами подъ шишлами и ключами числа несмысленныя нагорожены — азы прописные красныя, узорчатые, спрочныя черныя, будничныя — кто имъ дастъ шолку? Да и не повѣрятъ же спать! Ни свѣтъ ни заря явился капралъ нашъ на войсковой дворъ и подалъ грамошу по начальству. А придворныя правдолюбивыя Фельдмаршалъ Кашинъ, Генералъ Дюжинъ, Губернапоръ Графъ Чихиръ пяпашная голова мысленно капрала давно уже казнили, четвертили, повѣсили, шгло его всесожженію предали и прахъ ошъ воспока до заката развѣяли. Царь передалъ грамошу и дѣло Ивана на судъ царедворцамъ своимъ. А царедворцы его кто взявъ изъ грязи да посаженъ въ Князи; кто и великъ шгломъ да малъ дгломъ; иной съ високу да безъ намеку, шопъ съ виду орелъ да умомъ шеревъ, личикомъ бленекъ да умомъ проспенекъ, хопъ и не книженъ да хо-

рошо осприженъ; — а которые по смышленѣ, пакъ все плушы на голо, кпо кого сможешъ, пошь пого и гложешъ, ну словомъ, живушь только хлѣбъ жу-юшь, ѣдяшь — небо кошпяшь! — Они повелѣли, именемъ Дадока, собрать всѣхъ счепчиковъ, ариомепчиковъ, со всего царства, соспавили засѣданіе и повѣрили огромные шпоги. Ариомепчики бились, бились — перебрали жалованья, каждый, тысячь по нѣскольку, получили по чину Сенаторскому, по двѣ леншы на креспъ, по плюмажу на шляпу, и рѣшили наконецъ единогласно и единодушно, чшобы: грамошу нерукошворную харашейную опдашь на сохраненіе въ приличное книгохранилище и передавать изъ рода въ родъ позднѣйшему попомшву, яко достопамятноспъ просвѣщеннаго вѣка великоименишаго, великодаровишаго, великодержавнаго и великомудраго Царя Дадона золошаго кошеля; — чшо же именно касается выкладки счеша сего, шо оно дѣйспви-

шельно можешъ бышь пакъ, а можешъ бышь и не пакъ; а попому не благоугодно ли будешъ вышепоименованному Ивану молодому сержанпу повелъшь, яко оспающемуся и пребывающему подъ сомнѣніемъ, повелъшь службу служишь ему иную и исполнишь оную съ большимъ щцаіемъ и раченіемъ? Царь Дадонъ пожаловалъ имъ шеперь по креспу на пеплицу, по звѣздѣ на пуговицу, по банпу за спину.

А службу ояпъ загадали Ивану бездѣлицу: въ одинъ день, въ одну ночь, всего-шо Русскимъ счешомъ, въ одинъ сунки, выкопашъ вокругъ города-спюлицы канаву, спю сажень глубины спю сажень ширины, воды напустишь, чпобы корабли ходили, рыба гуляла, пушки по берегамъ на валу спюяли, и до разсвѣту производилась бы пальба; ибо Царь Дадонъ золотой кошель намѣревался потышанъся и празднованъ имянины свои. Если сослужишь Иванъ службу эпу — любинъ и золотомъ даринъ;

если нѣтъ такъ казнишь, голову рубишь!

Вошь когда нашему Ивану пришлось хоть волкомъ взвышь! Разорвись нашъ брашъ на двое, скажущь: двѣ ноги, двѣ руки, почему не на чепверо? Подгорюнился, пришелъ домой, судьбу свою проклинаешъ, смерть вѣрную ожидаешъ; попало зернышко подъ жерновъ, бышь ему смолопу; съ вѣпромъ божьимъ съ волею маспера не поспоришь. Но прекрасная Каперина, спросивъ и узнавъ кручину супруга-сожигателя, снова намекнула ему: это не служба, а службишка, а служба будетъ впереди; положила спать, убаюкала шюю же пѣсню, вышла и накликала вѣщуна-чародѣя. Идешъ, головой киваешъ, бородой слѣдъ замечаешъ — какъ свиснешъ да топнешъ на 'своихъ на прикащиковъ — ночи пшму зашмили; а за работу принялись, шакъ не только по горспи земли, по зерну, по одной песчинкѣ на браша не доспалось!

Съ разсвѣтомъ дня Царь, Миниспры его, вельможи, царедворцы, думные и конюшіе и вся столица просыпающія ошъ гула пушекъ, и Губернапоръ Графъ Чихирь пяпашная голова, въ легкомъ ночномъ уборѣ, въ *валентиновомъ* халатѣ, съ *парламентеромъ* на шеѣ, походя съ ногъ на горнаго Шопландца, выскочилъ изъ перема своего въ *три авантажа* на *балахонъ* и спарался усмопрѣшь въ *подозрительную* штрубу подступающаго непріятеля. Когда же дѣло все обнаружилось, по Ивань, за спрахъ причиненный Царю Дадону, царедворцамъ его и всѣмъ честнымъ согражданамъ, былъ схваченъ и посаженъ до времени подъ спражу; Губернапора Графа Чихиря сдѣлали Комендантомъ новой крѣпости; Фельдмаршалу Кашину, за дѣяшельныя мѣры для опраженія мнимаго непріятеля, сшили, въ знакъ опличія, кафтанъ изъ однихъ разноцвѣтныхъ выпушекъ; у прежняго же високаго совѣта ариемепчиковъ, бла-

жныя памяши, опобраны всѣ знаки опличія, ордена, леншы и звѣзды, за нехипро придуманную, площадную, Ивановъ нашимъ легко исполненную службу, — признаны всѣ учрежденія и поспановленія ихъ, да и сами они, несоспояпельными, и сосланы они на шепल्या воды полечипься. А когда, при вечернемъ осмошрѣ, Царь Дадонъ золошой кошель нашель всѣ новыя укрьпленія со всеми угоды въ опличной исправности, то и опдалъ коменданшу Чихирю всѣ знаки опличій, коими пользовался, блажныя памяши, верховный совѣшъ его.

Между шѣмъ у новыхъ совѣшниковъ Царскихъ мало по малу умишко поразгулялся, и они придумали пригадали Ивану шакую добрую службу сослужипь, что опъ радости приказали поднеспи-себѣ по кружкѣ меду, закуспли Муромскимъ калачемъ, Росповскимъ каплуномъ и Нѣженскимъ свѣжепросольнымъ огурчикомъ, и понесли, убояся грамошы, рѣчи свои Царю на докладъ. Да и хипро же

придумалъ! Дуракъ камень въ воду закинешь, дуракъ узелъ завяжешь, семеро умныхъ камня не выплывають изъ воды, узла не развяжутъ! Ивану нашему велѣли службу служишь, а сами за сказки да за пляски, за обѣды да за бесѣды — народъ дѣловой; два брата на медвѣдя, два свата на кисель; изъ лука не мы, изъ пицали не мы, а поѣспь, поплясапь, прошивъ насъ не сыскапь!

Охъ ты гой еси доброй молодець, Иванъ молодой сержантъ безъ роду безъ племени спроси безъ прозвища, вишь безродный и безконный! Собирайся служишь ты службу шаяжкую; иди ты шуда, невѣдомо куда, нищи шого, невѣдомо чего — разойдись одинъ по семи перекресткамъ, съ семи перекрестковъ по семи дорогамъ шполбовымъ: за горою лѣсь, а за лѣсомъ гора, а за шюю горою лѣсь, а за шѣмъ лѣсомъ ошяпъ гора — вспомнилъ шеперь Иванъ нашъ колыбельную пѣсенку супруги своей! — Придешь ты въ придешащее Государство

что за придевятыя земля, въ заповѣдную рощу; въ рощѣ заповѣдной спонныя перемъ золоченый, въ перемъ золоченомъ живеть Копыщъ - Нахаль невидимка искони вѣка; у него-то есты гусли самогуды, сами заводящяся, сами играющя, сами пляшущя, сами пѣсни поющя - гусли эсты принеси Царю, Царевичамъ и царѣдворцамъ и наперсникамъ ихъ играя, полѣщашься, музыкою заморскою забавлящяся; и чтобы все эшто было сдѣлано въ однѣ сутки! Исполнишь, хорошо; а нѣтъ, такъ претей и послѣдней тебѣ срокъ, шапки съ головы схватишь не успѣешь, какъ она тебѣ, и съ головою, въ ноги покашится!

Уповаая на благовѣрную сожигельницу свою, прекрасную Катерину, и на помощь вѣщуна чародѣя, Иванъ нашъ не унывалъ; но когда онъ пересказалъ сожигельницѣ загаданную ему службу, тогда получилъ въ отвѣтъ: вселюбезнѣйшій и дражайшій супругъ мой и со-

жищель Иванъ молодой сержантъ безъ роду безъ племени, спроси безъ прозвища, удалая пы голова! нынѣ пришла пора, пришла и служба пвоя, и должно тебѣ служишь ее самому; не въ моихъ силахъ высвободишь тебѣ ниже подашь тебѣ, бѣдспвующему, руку помощи: а за симъ она его снарядила и въ походъ оппустила, какъ съ судьбою, съ случаями, пушемъ-дорогою вѣдашься научила, плапчкомъ Ипаліанскимъ своимъ подарила, и примолвила: паси денежку про чернѣй день; плапкомъ эшимъ не иначе какъ въ самой сущей крайности и въ самомъ бѣдспвенномъ положеніи можешь пы ушереть съ лица пвоего молодецкую слезу горести и скорби! не пренебрегай бездѣльнымъ подаркомъ моимъ, не велика мышка да зубокъ осперь, не великъ сверчокъ да звонко поепь — часомъ и лычко послужишь ремешкомъ! Съли, подали хлѣбъ-соль на прощанье, помолились Богу и — пощель нашъ Иванъ, куда кривая ни вынесепь!

И кто бы, благодерзновенный, поку-
сился сподвизаться на такіа чудчья и
неслыханныя похождения! Но плешью
обуха не перешибешь — когда посыла-
юшь, такъ ищи; не положишь же имъ,
здорово живешь, голову на плаху; смерть
не свой брань, хощь живь и пошно,
а умирашь пошнѣе; решивый парень
лучше пойдетъ провѣдать счастья мо-
лодецкого на чужбинѣ, чѣмъ ему уми-
рашь безславно на родинѣ!

Иванъ нашъ уже на пупи. Терпипть онъ
холодъ и голодъ и много бѣдствій разли-
чныхъ переносипть, Богъ вымочипть, Богъ
и высушипть; поперялъ онъ счепть днямъ
и ночамъ — свѣшипть да не грѣешь, поду-
малъ онъ, поглядѣвъ на казацкое солны-
шко, на луну, полько напрасно у Бога
хлѣбъ ѣшь! И видишь онъ вдругъ, что за-
шелъ въ боръ дремучій и непроходимый,
шакой, что свѣсна Божьяго не взвидѣлъ;
пень на пнѣ, по лбомъ, по запылкою
припыкаепся — успалъ хощь на убой!
подкосились колѣни его молодецкія, са-

поги въ сугробахъ снѣжныхъ глубокихъ
вязнувшъ — поднялъ онъ лычко подвя-
завъ голенище — горе лычкомъ подпоя-
сано! — вынулъ плапочекъ даровой за-
вѣшной супруги-сожигельницы — вдругъ
его какъ на ходули подняло! опоздалось
лычко ремешкомъ! на немъ сапоги са-
моходы, да и шакіе они скороходы, чпо
и на одномъ мѣспѣ споявшъ, шакъ кон-
ному не нагнавшъ; не успѣвъ шагнуть
полюбовавшись рысью своею, и уже все
вокругъ него зазеленѣлось; зашелъ онъ
изъ бѣлой мапушки зимы въ цвѣшу-
щую благоуханную весну — и полешѣлъ
нашъ Иванъ, оглянувшись не успѣвъ, вы-
ходившъ изъ лѣсу сосноваго дремучаго
на лужайку вѣчнозеленую, правка му-
равка вѣчно свѣжа зелена, какъ барха-
пецъ опушкой шелковой ложився, ко-
вромъ узорчатымъ подъ ноги расши-
ляется. И спойвшъ на лужайкѣ пой
зданіе чудное, вызомоченное опъ земли
до кровли, опъ угла до угла; сполны
бѣломраморные кровлю черепичную-се-

ребряную подпирають, на ней маковки горящъ золошья, узоры прихопливые, живописные и льпные подъ корнизями рѣзными разгуливаютъ, окны цвѣшныя хруспальныя какъ щипы огненные злато опливаютъ — ни ворошъ, ни дверей, ни кола, ни двора; безъ забора, безъ запора, говоришя, неуйдешъ опгъ вора, а шупъ все цѣло, исправно, видно некому и воровашъ! Обошелъ капраль нашъ зданіе эшо разъ другой кругомъ, оглядѣлъ со всѣхъ споронъ — всюду поже и входа нѣтъ! Смѣлосць города беретъ, а за смѣлаго Богъ; безъ опваги нѣтъ и браги, не бывъ звонаремъ, не бытъ и пономаремъ! спукъ, брякъ, въ окно хруспальное, зазвенѣло-полешѣло, полько осколки брызнули! забрался нашъ Иванъ безродной удалой въ шеремъ золоченый, да и ахнулъ! хороша куро-патка перьями, а лучше мясомъ; зданіе внушри блиспало шакою красопой чшо ни придумашъ ни згадашъ, ниже въ сказкѣ сказашъ! а палаты огромныя пусты;

ни кнѣю на зовѣ Ивана молодова сержан-
па не опкликаешся; нѣшь опвѣща,
нѣшь привѣща. Ходилъ, ходилъ, Иванъ
нашъ, выходилъ по всѣмъ покаямъ, и
видишь вдругъ встрѣчаешъ, глазамъ
молодецкимъ не довѣряешъ, споишь въ
углу чанъ дубовой, висишь черезъ край
ковшикъ луженый. Вышилъ онъ на успа-
лосъ крючокъ, за здравіе благовѣрной
сожигельницы своей другой, за упокой
клеветниковъ и доносчиковъ своихъ
прешій — разобрало его, зашумѣло въ
головѣ, ходишь по покаямъ золоченымъ
одинъ какъ перспъ, похаживаешъ, зава-
лилъ руку лѣвую за ухо на самый за-
пылокъ и пѣсенку русскую: распоскуй-
ся шы моя голубушка, моя дорогая, во
весь духъ покрикиваешъ. Вдругъ незри-
мая рука его оспанавливаешъ, голосъ
безвѣспный вопрошаешъ: Охъ шы гой
еси доброй мѣладецъ, мало доблеспи,
много дерзоспи! зачѣмъ и опкуда пожа-
ловаль, по своему ли желанью или по
чьему приказанью?

Я Иванъ молодой сержантъ спроспа
безъ прозвища безъ роду безъ племени,
я Иванъ безродный удалая голова, ви-
пязь бездомный и безконный, служилъ
я вѣрно Богу и некрещеному Царю сво-
ему въ землѣ чпо за приспа конныхъ
милъ; сбили меня царедворцы зависпли-
вые съ чеспи, съ хорошаго мѣспа, ли-
шили милоспей Царскихъ, службы не-
посильныя служилъ посымали, золопья
горы сулили — обѣщали; сослужилъ я
службу, сослужилъ другую, душу по-
зналъ ихъ кривую; — нѣ дали чего посу-
лили, на произволь судьбы за прешней
службой опшпустили: Иди шуда невѣ-
домо куда, ници шого невѣдомо чего;
разойдись одинъ по семи перекрешкамъ,
съ семи перекрешковъ по семи доро-
гамъ сполбовымъ: за горою лѣсъ, а за
лѣсомъ гора, а за шой горою лѣсъ, а за
шѣмъ лѣсомъ опяшь гора, придешъ въ
придешное Государство чпо за при-
девяпъ земель, въ роцу заповѣдную,
спонилъ шамъ шеремъ золопой, въ ше-

ремь помь живешь Копышь-Нахаль невидимка искони въка — у него возьми гусли самогуды, сами заводяцца, сами играющь, сами пляшущь, сами пѣсни поющь — ихъ по принеси Царю, Царевичамь, царедворцамь и наперсникамь ихъ погѣшашься, музыкаю заморскою забавляшья!

Опозвался невидимка снова. Кого ищешь, Ивань молодой сержаншь, того нашель. Зовущь меня Копышемь-Нахаломь, въковѣчный я невидимка, живу въ заповѣдной роцѣ въ шеремь золоченомь. Знаю я художества разныя и многія; умью я спроишь-набирашь гусли самогуды, да съ уговоромь: грѣхъ пополамь; я буду рабошашь, а ты будешь свѣшишь мнѣ лучиной при дня и при ночи безъ смѣны безъ засыпу — просвѣшишь — гусли самогуды возьмешь; а заснешь, не по вздремлешь, шакь голову какь съ воробья сорву! Дѣ слова крѣпись, а за слово держись; попляшишься, ракомь назовущь!

Пользъ по горло, подумалъ Иванъ, лѣзъ и по уши; уже шеперь не воропшишься же спать. Надралъ онъ лучинъ хвойныхъ, зажегъ, свѣспипъ день, свѣспипъ ночь, свѣспипъ и еще день, сонъ клонипъ неодолимый; кивнулъ Иванъ головой, задремалъ. А Копышъ-Нахалъ полкъ его подъ бокъ: » пы спипъ, Иванъ? » Охъ, спать я не сплю, и дремать не дремлю, а думаю я думаю. » А какую же пы думаешь думу? « — А думаю я, глядя въ окно, множество несмѣшное росшепъ по свѣспу бѣлому лѣсу разнокалибернаго — а какого болъе росшепъ, кривова или прямова? Чай кривова болъе. — Копышъ - Нахалъ призадумался; погоди, говорипъ, поспереги пы на досугъ гусли, я пойду посчипаю. Пошелъ; а капралъ нашъ шѣмъ часомъ залегъ, да давай на скорую руку спать. Долго ли нѣспъ ли ходилъ Копышъ — не дологъ часъ на аршинъ, да дорогъ улучкою — а Иванъ поспалъ изрядно; онъ солдапъ, спипъ

скоро; бывало, подь Туркою, пòходя наѣспся, споя выспися. Вспавай, Ивань, закричалъ Копышь, швоя правда, кривова лѣсу больше; и больше шакъ, чшо на числа положишь, шакъ Русскимъ счешомъ и не выговорить. Зажигай-ка лучину, да садись за работу, свѣши прои супки сряду! Свѣшишь капраль нашъ день, свѣшишь и ночь, добился и до другой — опяшь пѣсня шаже; крѣпился, крѣпился, задремалъ! А Копышь его шолкъ въ ребро, спишь, говоришь? Охъ, спашъ я не сплю, и дремашь не дремлю, а думаю я думу! А какую же ты думаешь думу? А думаю я: несмѣшное множесиво людей на свѣшъ у Бога да у земныхъ Царей, а мало ли было да перемерло? Какихъ же больше людей на свѣшъ, живыхъ или мершвыхъ? Чай мершвыхъ больше! Покинулъ Копышь опяшь Ивана на спорожъ, самъ пошелъ счишашъ. Ходилъ онъ супки съ недѣлей безъ семи дней, по ихному безъ году годъ со днемъ, вы-

ходилъ всю поднебесную; а Иванъ на брюхо легъ, спиной укрывся, зѣвнушь не успѣлъ заснуть. Вспавай, капраль! пора за работу; а правда швоя, мершвыхъ людей больше; живыхъ безъ четверши съ седьмой при осьмины, а оспальные всѣ мершвые!

Свѣспитъ Иванъ оцпашъ ночь со днемъ, перемогся и другую, а до прешпей спало доходишь, вздремнуль, да шакъ чшо всхрощнуль да присвиснуль! Толкнуль его Копышь въ ребро: спишь, Иванъ? А онъ очнулся, да не нашелся, а вымолвилъ съ перепугу словцо Русское: *виноватъ!* къ шиву ѣдепся, а къ слову молвишся: *авось, небось, да какъ нибудь*, а если на бѣду концы съ концами не сойдутся: *виноватъ!* Вопъ чшо нашего брата на Русской земль и губишь; вопъ за чшо нашего брата и бьюшь, да видно все еще мало; неймешся! Изъ швоей вины, молвилъ Копышь-Нахаль, не рукавицы шипъ, не сапоги шачашъ, а если шакъ, шо дѣлашь нечего,

смерть своя пришла неминуемая. Подика выдь на лужайку муравчашую, на мою заповѣдную мѣлко-справчашую, погляди еще разъ на бѣлый свѣтъ, проспись, покаясь, умирашь собирайся, а я голову съ шебя какъ съ воробья сорву! Охота хуже неволи; ты же самъ обрелся не живому, а смерти; слово сказано языкомъ да губами, а держись за него зубами!

Вышелъ Иванъ молодой сержантъ на лужайку заповѣдную вѣчно-зеленую, вспомнилъ родину свою, супругу молодую, прекрасную Кашерину, и залился слезами горькими. Что рыбъ погибашъ на сушъ и безводьи, то добру молодцу умирашь въ чужь на безродьи! Вынулъ Иванъ плашечекъ завѣтный Италіанской ушерешъ въ послѣдній разъ слезу молодецкую — а ужъ Копышъ-Нахалъ зовешъ его на расправу, подь окномъ косяпчашымъ сидя, въ распворчашое глядя. — Пришелъ къ нему капраль, нашъ заживо мершвымъ себя почишаешъ, мо-

лишвами грѣшными самъ себя поми-
наешъ. Опколъ ты взялъ плашокъ
эпопъ? спросилъ у него Копышъ-На-
халь, невидимка искони вѣка. Иванъ
расказалъ, опъ кого и какимъ случаемъ
плашокъ ему доспался. Ладно кума,
лишь бы правда была, опозвался Ко-
пышъ — правду ли ты говоришь? Бо-
жишься у насъ не велишь, да и лгашъ
заказываюпъ, опвѣчалъ служивый;
что сказано, то и свяшо; на солдап-
скомъ словѣ хошь пвердыни клади. Не
долго думано, да хорошо сказано, мол-
вилъ Копышъ; если пакъ, то ты бы
мнѣ давно эпо сказалъ — спало бышь
ты женапъ на дочери моей прекрасной
дѣвицѣ Катеринѣ, и ты, по завѣшу,
копорому сполько же льпъ какъ ей
самой, не сполько пребудешъ живѣ, здо-
ровѣ и невредимѣ и свободенѣ опъ
всякой пени, но и долженѣ получишь
въ приданое собспвенныя мои гусли са-
могуды, искони гошовыя, завѣшныя,
на копорыя и было положено завѣшу

заслужилъ любовь и руку дочери моей прекрасной дѣвицы Каперины. Для милова дружка и сережку изъ ушка! Снарядилъ его, въ походъ опшуспилъ, гусли самогуды въ мошнѣ кожаной на плечи повѣсилъ — заиграли, заплясали, пѣсни чудныя запѣли — а Иванъ лыжи наосприлъ да направилъ во свояси; шагаетъ, какъ жаръ — пшица лепаетъ, домой поропился поспѣшаетъ. Шель онъ опшуда высокосный годъ безъ недѣли со днемъ, не по поменьше, не по побольше, не поспѣшь ему и назадъ въ супки! Спощъ надъ пушемъ дорогой избушка домосѣдка, распустила крылья какъ курочка-насѣдка, а въ ней спукошня; лукошко, кузовокъ, корзина да коробокъ, вмѣсто цылянтъ вокругъ похаживающъ, а двѣ вѣдьмы, сеспры, одна буланая, одна соловая, вокругъ избы дозоромъ объѣзжаютъ, никого къ ней не допускающъ. Повѣсилъ Иванъ гусли самогуды на дерево, заслушались вѣдьмы игры чудесной, а онъ шѣмъ часомъ

обошелъ кругомъ, да и въ избу. Спарикъ съдой молопомъ поновѣснымъ передъ жерломъ огненнымъ на наковальнѣ булашной куешъ булавы спальной, запускаешъ ихъ въ набалдашники золотые, а гоцовые на палати за печь кидашъ. Эпо былъ въщунъ-чародѣй, служившій на Ивана, по повелѣнію сожигельницы его Каперины, службы Царскія, но они другъ друга не знавали въ глаза. Спарикъ принялъ радушно пришельца усталого; лягъ, говоришь, да опдохни; а спаруха моя, коли похлебашъ чего хочешъ, сварить тебѣ щецъ — за вскусъ не берусь, а горяченько да мокренько будешъ! Словомъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ, а съ разсвѣтомъ выпроводилъ, да услышалъ, на бѣду, игру чудесную гуслей самогудовъ, и спать онъ ихъ у Ивана просилъ выпрашивашъ. Не захопѣлъ ондашъ ему Иванъ сокровища своего завѣтнаго, плодовъ поисковъ, шрудовъ и походовъ немовѣрныхъ — а шопъ

не взялъ добромъ шакъ взялъ въ семеромъ; помощники, копорымъ, какъ мы уже видѣли, числа нѣшь, явились по мановенію повелителя своего, воздухъ и небо зашмили множествомъ своимъ. Хочешь ли бороться съ каждымъ и со всѣми, спросилъ въщунъ-чародѣй, или добровольно за булаву любую отдашь мнѣ гусли свои? Иванъ подумалъ, да и отдалъ гусли; коропки ноги у многих на небо лѣзшь! Выбралъ булаву по увѣщенію и пошолъ, проклиная бѣлый свѣтъ! Куда дѣваться ему теперь? Что дѣлать? Какъ дома, какъ въ люди показаться и принести повинную голову свою на плаху? А былъ уже шакъ близокъ великой цѣли своей! Въ раздумьи играя булавой, спалъ онъ набалдашникъ золотой опровершиваешь. Отвернулъ — изъ палицы кованой несметное и безчисленное множество войска боевого, коннаго и пѣшаго, вымешаешь, въ спрой парадной передъ нимъ на лугу собираешь, Генералы съ Адъютан-

шами своими во всю прысь на Ивана
вишня бездомнаго и безконнаго на ска-
киваюшь, опдаюшь честь должную
полководцу, музыка полный походъ
играешь, подвиги Ивана молодова сер-
жанпа выхваляешь, армія вся въ при-
шемпа ружья на карауль оаживаешь,
правою ногою опсшунаешь. Эшо не-
смѣшныя полчища бѣсовъ въщуна-ча-
родья, обмундированные, вооруженные.
Надѣль Иванъ набалдашникъ золошой —
исчезло все, какъ не бывало; снялъ —
опяшь здѣсь, и бой, и музыка, и армія,
и Генералы съ рапоршами; а гусли са-
могуды въ кошомкѣ за плечами! Сме-
кнулъ дѣломъ капралъ нашъ; набалдаш-
никъ надѣль, палицу въ руку, кошомку
за плечи, самоходцы на ноги, и маршь
на одинъ шабашъ въ родимую свою
споронушку. Постѣль до разсвѣша;
спалъ на луга заповѣдныя Царскіе, ко-
порые недовольно человекъ ни одинъ
не смѣлъ свяшошапными спопами сво-
ими попирашь, но на кон и пища ми-

молепная не садилась — снялъ голову съ булавы и поспроилъ армию несмысленную прямо прошивъ Дворца Царскаго, а гусли самогуды засшавилъ играть : За горами, за долами! Царь, проснувшись, разгнѣвался на дерзостнаго прищельца необычайно, спрусилъ безъ мѣры, и послалъ Губернашора Графа Чихиря пяташную голову освѣдомишься немедленно : что, и какъ, и кто, и почему? Идетъ Чихирь, узналъ Ивана молодого сержанта издали, подходитъ дерзостно, шляпы плюмажной не сымаетъ, рѣчи спрошпивья — ругашельныя произноситъ : « Не удивишь ты насъ, Иванъ окаянный, что скоро ворошится, и въ распахъ насъ не заспанешь ! На шебя висѣлица гошова давнымъ давно ! » Приправилъ словомъ однимъ Иванъ своихъ на спараго недруга закоснѣлаго — схватили — не довольно по клочку, по волоску на каждого не доспалось ! Ждалъ, ждалъ Царь ошвѣща съ шершнѣемъ великимъ — нѣтъ, говоритъ, видно эшоптъ

музыки заслушался; поди-ка ты, Фельд-маршалъ мой Капшинъ! Не ломайся овсяникъ, не будь калачемъ, сказалъ ему Иванъ; и этому была участь не завиднѣе перваго, и прешьему, Генералу Дюжинну также. Но теперь вызвался и пошелъ сослуживецъ и поборникъ Ивана молодова сержантъ, поступившій нынѣ на мѣсто убылова, сосланнаго за придеванье земель по гусли самогуды. Зная службу и дисциплину, спалъ онъ подходивъ къ новому Полководцу почтительно, держалъ мѣрный шагъ, руки по шву, фуражку снялъ на приличномъ разстоянн, однимъ словомъ: шелъ не спотыкался, спалъ не шапался, заговорилъ не заикался, и осведомился о имени Царскаго о происходящемъ. Иванъ молодой сержантъ спросилъ безъ прозвища безъ роду безъ племени, а теперь Фельдмаршалъ, полупорный Генералъ и самъ себѣ кавалеръ, обнялъ его, приласкалъ, сказался именемъ своимъ, приказалъ Царю быть челомъ и доложивъ,

что Иванъ воропился изъ походу своего, сослужилъ службу Царскую, принесъ гусли самогуды изъ роши заповѣдной вѣчнозеленой опшъ Копыща-Нахала вѣковѣчнаго невидимки Царю, Царевичамъ и наперсникамъ ихъ погышашься, музыкою забавляшьяся. Самъ надѣль набалдашникъ на булаву, снялъ войско съ заповѣдныхъ луговъ, и въ послушаніи оспался ожидать рѣшенія Царскаго. Царь Дадонъ золопой кошель выслалъ звашъ его ко двору на чай и ужинъ, произвелъ въ военачальники свои, Губернашоры, Сенашоры, Генералы и Кавалеры — но полько что Иванъ дался въ обманъ и пошелъ безъ подозрѣнія на зовъ Царскій, какъ два насмные рѣзника съ киспенями, съ ножами, бросилсь съ оспервененіемъ ему на вспрѣчу: они имѣли повелѣніе обезоружить его, опнявъ палицу, и бросить его въ шемницу. Велика Федора да дура, а Иванъ малъ да удалъ; имъ было бы выждашь, покуда онъ взойдетъ въ шѣсныя воропа

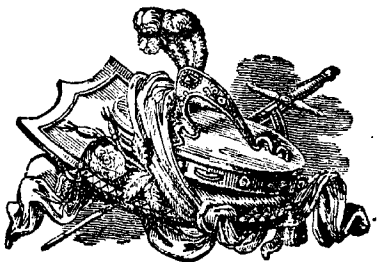
дворцовыя и захвапипшь его сзади, а они, не поглядѣвъ въ сваяпцы да бухъ въ колоколь, поспышили, людей насмѣшили, вышли рано, да сдѣлали мало. Теперь Иванъ въ послѣднѣй испыпалъ коварство Царя Дадона золопова кошеля и совѣпниковъ его правдолюбивыхъ; онъ выпустилъ войско свое, конное и пѣшее, на вспрѣчу убійцамъ, обложилъ дворець и весь городъ сполчннѣй, пакъ чпо лишь полько нашедшая шуча дождевая пронеслась въ недоумѣнн, ибо некуда было и капль дожда канупъ — и испребилъ до послѣдняго лоскупка, ногопка и волоска Дадона золопова кошеля и всѣхъ сыщиковъ, блюдолнзовъ и пошакаль его. Человѣку нельзя же быпшь ангеломъ, говорили они въ оправданіе свое, но не должно ему быпшь и дѣволомъ, опвѣчалъ онъ имъ — и Саломонъ и Давидъ согрѣшали — Давидски согрѣшаете, да не Давидски кааетесь! Ныпшь вамъ пардону! и по дѣломъ; они всѣ, по вла-

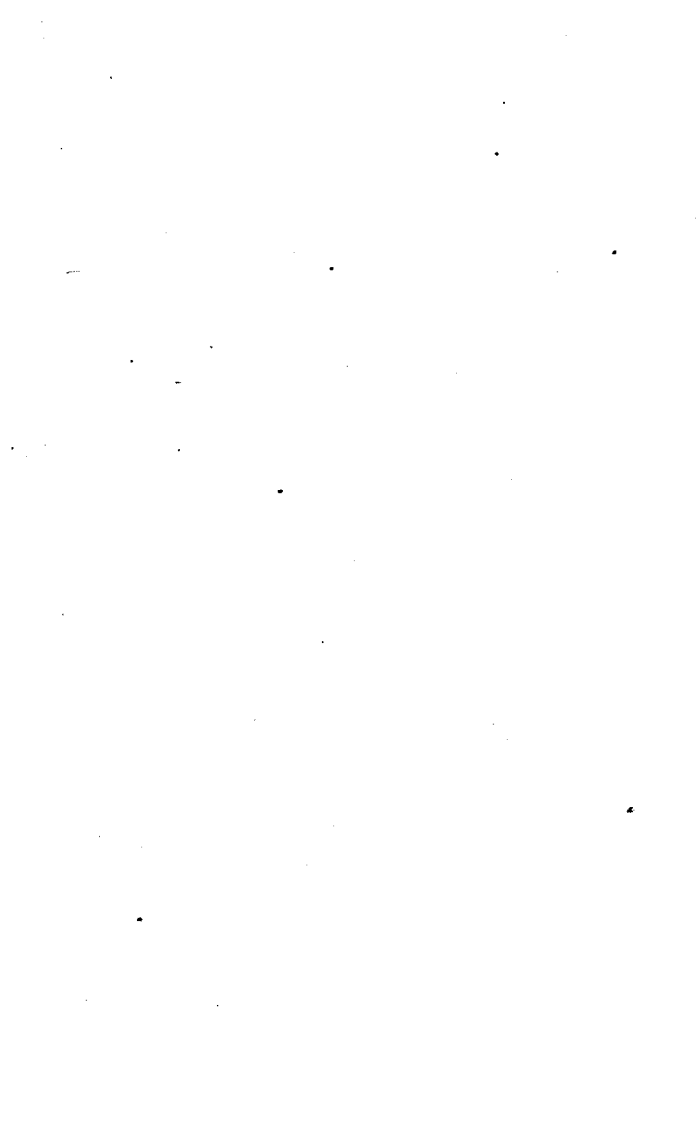
дыкъ своему, на одинъ ладъ, на шопъ же покрой — всѣ наголо бездѣльники; каковъ погъ, шаковъ и приходъ; куда дворяне, шуда и мѣряне, куда иголка, шуда и нишка!

Иванъ былъ провозглашенъ опъ народа Царемъ земли шой, а супруга его благовѣрная Кашерина Царевною; онъ былъ еще въ цвѣтущей молодости своей, да и она въ опсуществіи его не состарѣлась, ибо всѣ неимовѣрныя похождения его съ Копышемъ-Нахаломъ и гусями самогудами дѣйствительно произошли въ продолженіи однѣхъ только сутокъ. Царь Иванъ много льпъ здравствовалъ и царствовалъ, крепко и смиренно, милосивно и правдиво; пользовался мудрыми совѣтами супруги своей, благовѣрной Кашерини, рацію своею несмѣшною держалъ во страхъ и повиненіи враговъ своихъ, и былъ благословляемъ народомъ. Праздную же возшествіе свое и супруги своей на престолъ, заставилъ на пиршествѣ обиль-

номъ ликовашь народъ при дня и при
ночи безъ отдыха; вина заморскія ли-
лись черезъ край; яспвъ, какихъ только
прихопливая душа твоя пожелаешь,
вдоволь; скоморохи, выписные и домо-
рощенные, игрища многоразличныя,
горы, пляски, салазки и сказки, кула-
чныя бои, увеселяли народъ, со всѣхъ
концевъ Царства обширнаго собрав-
шійся.

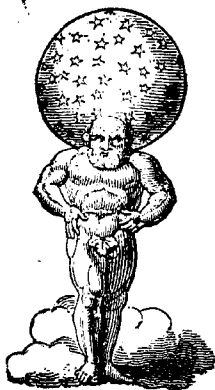
И я и свашь Демьянъ шамъ были, куму
Соломониду дома забыли, медъ и пиво
пили, по усамъ шекло, въ ротъ не по-
падало — кпо сказку мою дослушалъ, съ
пѣмъ подьлюсь; кпо нѣшъ — шому ни
капли!

СКАЗКА ВТОРАЯ,

о Шемякиномъ судѣ и о воеводствѣ
его и о прочемъ.

КАРЛУ ХРИСТОФОРОВИЧУ
КНОРРЕ.

СКАЗКА ВТОРАЯ,

О ШЕМЯКИНОМЪ СУДЬ И О ВОЕВОДСТВѢ ЕГО
И О ПРОЧЕМЪ; БЫЛА КОГДА ТО БЫЛЬ, А
НЫНѢ СКАЗКА БУДНИШНЯЯ.

Пробѣжалъ заяцъ косою, проказникъ
замысловашый, по свѣжей порошокъ; на-
прыгался, налягался, крюкъ выкинулъ
сажени въ при, подь кочкою улется,
снѣжкомъ загребся, припался, каза-
лось-бы его ужъ и на свѣпъ нѣпъ —
а мальчишки — плутишки заупре по
клюкву пошли и смѣются, на слѣдъ
глядя, проказамъ его; экой уверпливой,
подумаешь, вѣдь не пойдешь же пря-

мышь пушемъ-дорогой, по людски, вилепшь спороной, через пень черезъ пынъ, узоры хипрые лапками по снѣжку выводилшь, на корпючки сядешъ, лягнешъ, припопнешъ, пешлю закинешъ — экой куцой проказникъ! Ну а какъ бы ему еще да лисій хвостъ? — И долго смѣялись зайцу — а заяць ужь Богъ вѣспъ гдѣ! Слухомъ земля полнипша, а причудами свѣпшь; эшо не сказка, а присказка, а сказка будешъ впереди. Шемяка судія и Воевода напроказилъ, нашалилъ, и скрылся какъ заяць нашъ: да слѣдъ покинулъ рыси своей лебединой-лапчашой; а Русской народъ, какъ извѣспно всему свѣпу, необразованный, непросвѣщенный, такъ и радъ случаю придрапшь, голову почесапшь, бороду попрысапши, зубы поскалпшь, и подымаешъ на смѣхъ бѣднаго Шемяку судію и понынъ. Кшо празднику радъ, попшь до свѣпу пьянъ; у меня кума жила, на Волгъ, Соломонида, бывало какъ вспомянешъ, чшо у свекрови на

креспинахъ пономарь оскоромился, пакъ и въ слезы; а въ Суздаль, свапъ Демьянъ, и на признъ да хохоченъ! Уговоръ лучше денегъ; кпо въ куму Соломониду удался, ни сказки ни присказки моей слушапъ не садись; сказка моя о похожденіяхъ слезныхъ, приключеніяхъ жалоспныхъ, Споухана Рогоуховича и Бабарыки Подспегайловны, лежишъ у меня подъ спудомъ; а присказка о косомъ и куцомъ зайцъ и сказка о судѣ Шемякиномъ написана, къ быпу приноровлена и поговорками съ ярмонки Макарьевской разукрашена, для свапа Демьяна съ честными соповарищи: всякому зерну своя борозда; на всѣхъ не угодишь; шапка съ заломомъ, будь и бархашная, не на дворянскую голову шьется — а по мнѣ да по свапу куцое плашье, Французская булка, на свѣпъ не родись! Намъ подай зимою щи съ широгомъ, кашу; льпомъ бошвинью, либо окрошку, шюрю, поспавъ квасу, да ржанова хлѣбца ломопъ, чшобы было

за что подержаться, да зубами помо-
лошь — а за шѣмъ просимъ свапа Де-
мьяна не прогнѣваться, небылицами
коренными Русскими попѣшишься, поза-
бавишься; у насъ съ нимъ, какъ у лю-
дей, выше лба уши не распушь!

Шемяка родился не Воеводою, а му-
жикомъ. Не родись умень, не родись
богачъ, а родись счастливъ. Край его
былъ бѣдный, народу смыслящаго мало,
письменнаго не много, а Шемяка у дья-
чка въ свѣщцы глядѣшь выучился, зналъ
праздникъ, по примѣшамъ, оплнчашъ
опъ будень, ходилъ въ понкомъ каф-
танъ — а какъ на безрыбьи и ракъ рыба,
а въ городъ Пиперъ и курица пшница,
шакъ мѣръ его и посадилъ въ Спаро-
спы. Шемяка мужикъ смирной; когда
спншь шакъ безъ палки проходи смѣлю; и
чеспный, заговорншь, шакъ что швои
краснобаи, душа на ладони и сердце на
языкъ; а что скажешъ, то и свѣпо, гдѣ
рука шамъ и голова; лнхонмспва не
зналъ; бывало Федосей, покойникъ, цар-

спво ему небесное, вѣчная памянь, смышленъ и хиперъ, на выдумки, на догадки, шороватый Нѣмца снова — ему пальца въ ротъ не клади! Бывало и комаръ носу не подпочинтъ; да любилъ покойникъ, нечего грѣха таить, чшобы ему просипели глаза вспавляли серебряные; бывало спукнешъ по головѣ молодомъ, не опзовецсяль золопомъ? Да и самъ шолько штъмъ правъ бывалъ, чшо за него праведныя деньги молились. Шемяка нашъ проситъ, хотъ колъ на головѣ шени, да добръ и богобоязливъ; шакъ мужики и надѣялись нажинъ опъ него добра, да и оскоромились. Не шо бѣда, чшо росшетъ лебеда, а шо бѣды, какъ нѣтъ и лебеды!

Приходишь къ спароситъ Шемякъ баба, проситъ на парня, чшо горшки побилъ. Парню, лежа на полапяхъ, соскучилось; поймалъ онъ клячу, а какъ онъ былъ не изъ самыхъ ловкихъ и проворныхъ, шакъ не умѣлъ и съспъ, покуда кума его не посадила. Кляченка начала его

бишь, понесла, а на бѣду шупъ у сосѣдки на часпоколъ горшки сушашся — понесла, да мимо горшковъ; онъ, какъ пошолъ ихъ лбомъ щелкашь, всѣ пересчипаль, сколько ни было! —

Судья Шемяка подумаль да и разсудиль: чшобы кума заплапила пропори, убышки, и горшки сосѣдки, за шо, чшо парня криво на клячу посадила. — Гдѣ судъ, шамъ и расправа; мы проволочки не любимъ! Деньги на споль, кума, да и спупай домой!

Чшобы шебъ бышь дровосѣкомъ да шопорища въ глаза не видашь, за шакой судъ, подумаль свапъ Демьянъ, убилъ бобра! Заспавъ дурака Богу Молишься, пакъ онъ и лобъ разшибеть!

Теперь подошла другая баба съ просьбою. Къ ней въ огородъ и въ дворъ и въ сѣни повадилса ходишь сосѣдской пѣшухъ; а поваженной чшо наряженной, опшбою нѣпъ; и шакой онъ забѣяка, чшо бьетъ безъ пощады ее пѣшуха и опшгонялеть опъ куриць; а сосѣдка при-

беречь и усперечь его не хочешь. Тогда Судія Шемяка приказалъ поймать ей своего пѣшука и принести, и повелѣлъ писцу своему очинить ему носъ гораздо попонѣе и пооспрѣе, на подобіе писчаго пера, дабы онъ могъ удобнѣе побивать пѣшука сосѣдняго. Но онъ скоро, и не дождавшись побѣды своей, изчахъ и умеръ голодною смертію. Чпожь дѣлать; на грѣхъ маспера нѣтъ; и на спаруху бываетъ проруха; конь о чепырехъ ногахъ, да спотыкается, а у нашего пѣшука, покойника, только двѣ и были!

Теперь еще пришла баба просить на мужика. Какъ квочки разкудахпались, сказалъ Шемяка, визжать, дѣло бабье! Ъхали они вмѣстѣ, баба съ мужикомъ, на рынокъ; мужикъ спалъ про себя разсуждаетъ: продамъ я курицу, продамъ яйца, да куплю горшокъ молока; а я, примолвила баба съ дуру, я хлѣба крошу. Тогда мужикъ, не медля ни мало, ударилъ ее въ щеку, и вышибъ

у нее два зуба; а когда она спросила, зарыдавъ, за что? Такъ онъ опивчалъ ей: « не квась молока. » — Мужикъ съ бабой пришли къ Шемякѣ и просили другъ на друга; мужикъ, не запираясь ни въ чемъ, принесъ два зуба, копорые у нее вышибъ, въ рукахъ.

Квасить молоко чужое не годится, ска- залъ Шемяка просипельницъ; на чужой коровой рошъ не разъвай, а по раньше вспавай, да свой зашъвай! Но и ты не правъ, землякъ: вина одна; съ чужимъ добромъ не носись, на ушварь ближняго не посягай. Опдай бабъ сей же часъ оба зуба, сполна, да и спупайше, Господь съ вами! шупъ и безъ васъ шъсно, и на брюхъ пръсно: сего дня еще ни крохи, ни капли, въ глоску не попадало, а хлопощъ полонъ рощъ — въ головъ, какъ полчeya ходишъ; бьешся, бьешся, какъ слъпой козель объ ясли! Либо одуръешь съ эшимъ народомъ, просни Господи, либо съ ума

сойдешь, либо, за недосугомъ, когда
нибудь, безъ покаянія умрешь!

За такія и инья подобныя, хиприя
увершки и продълки, нашего Судии
правдиваго Спароспы Шемяки, поса-
дили его на Воеводство, и спали уже
ошъ нынѣ честишь-величашъ по ба-
пюшкѣ: Шемякою Анпоновичемъ. По-
любился сапана лучше яснаго сокола;
вечоръ Макарь гряды коцаль, а нынѣ
Макаръ въ Воеводы попалъ! Коси ма-
лину, руби смородину! Жиль прежде,
пакъ спаль поживашъ нынѣ; гошовый
споль, гошовый домъ, а челобитчи-
ковъ, проспшелей, на крыльцѣ широ-
комъ, чпо локшемъ не прополкаешся!
Шемяка возмечпаль о себѣ, и спаль,
какъ овсяная каша, самъ себя хвалишь
и воспѣвашъ. Я-де спараго лѣсу ко-
черга, меня не проведешь, и на кри-
выхъ оглобляхъ не объѣдешь; у меня
чѣмъ аукнешь, шѣмъ и опкликнешся;
судишь да рядишь я и самъ собаку
сѣбѣ: я и малаго грѣха, и малой не-

правды, не пошерплю ни въ комъ: опть малой искры да Москва загорѣлась; вола и рѣзникъ обухомъ бьешъ, убей муху! А у меня, кпо виновашъ, шакъ виновашъ, хопъ себѣ невидимка, хопъ семи пядей во лбу будь!

А какъ бы свапъ мой Демьянъ его подслушалъ, шакъ и подумалъ бы про себя: Ври на обѣдъ, да оспавляй и на ужинъ! Охъ-пы гой еси добрый молодець, судія правдивый, Шемяка Анпоновичъ, сынъ опца своего роднаго-кровнаго Анпона Поликарповича! Ни уха пы ни рыло, ни съ рожи, ни съ кожи, а судишь шакъ чпо ни мыпо, ни кашано, ни брипо, ни сприжено; у тебѣ умъ за разумъ заходишь, знашь черезъ чуръ перемудрилъ; а гдѣ шонко, шамъ, шого и гляди, порвешся! И сапана въ славъ, да не за добрыя дѣла; а иная слава хуже поношенія. Ты Богословъ, да не однословъ, мягко спелешъ, да жестко спапъ; скажешъ вдоль, а сдѣлаешъ

поперегъ; запряжешь и прямо, да поѣдешь криво!

Все это подумалъ бы онъ про себя; а сказать, не скажешь ни слова. Кпо Шемяку посадилъ въ Воеводы, пошъ и опвѣчаешь. Солдапъ солдапа подь бокъ полкаешь: землякъ! куда мы идемъ, гляди-шка, шупъ головы не вынесешь безъ свища! Про то знаешь пошъ, кпо посылаешь, проворчалъ спарый служивый, не пы за свою голову опвѣчаешь; а пы знай иди, да съ ноги не сбивайся! Такъ и я; не наше дѣло, Попово, не нашего Попа, чужова. Моя изба съ краю, я ничего не знаю!

Пришелъ мѣщанинъ къ Воеводѣ Шемякъ Анпоновичу, просипъ на сосѣда. Сосѣдъ у него былъ убогій, по имени Харипонъ, опспавной цѣловальникъ. Онъ бы поѣхалъ и на попорницъ по дрова, да чай не довезетъ и до угла — такъ онъ и пришелъ просипъ у заживочнаго хозяина кобылу. У меня, говоришь, и дровни стоятъ на гошовѣ,

и кнупишко припасень, и попоръ за поясомъ, такъ за малымъ дѣломъ спало: ло шаденки нѣшь! не опкажи, бапюшка!

Такъ и кума моя, Соломонида, чпо на Волгѣ жила, не шѣмъ будь помянупа, бывало, о масляной, пошлетъ внучку къ золовкѣ: приказала-де бабушка кланяшся, собираешся блины печь, такъ ужъ наспавила водицы, напюлка и соли, припасла и сковородникъ, а велѣла проспшь: сковороды нѣшь ли, муцицы гречневой, молочка, да маслица!

Ссудилъ сосѣдъ Харипона, опспавнова цѣловальника, кобылой, пришелъ поить къ нему и за хомупомъ; а какъ хомупа лишняго у этого не случилось, такъ онъ ему и не далъ. — Тогда убогой Харипонъ нашъ не призадумался: онъ привязалъ кобылу прюспю къ дровнямъ за хвостъ и поѣхалъ по дрова: когда же, наваливъ возъ большой, возвращался изъ лѣсу домой, такъ былъ подъ хмѣлькомъ; онъ воропа опперъ,

подворошню выспавишь позабылъ, а самъ кобылу спегнулъ плечью. Она бросилась черезъ подворошню и вырвала себѣ хвостъ весь, а дрвни остались за ворошами. Харипонъ приводинъ кобылу безъ хвоста, а хозяинъ, не принявъ ее, пошелъ на него просишь.

Воевода Шемяка повелѣлъ кобылу шу привесити, и освидѣтельствовашъ, дѣйствительно ли она безъ хвоста? А когда сіе оказалось справедливымъ, и присяжные ярыги и Думные грамошты въ очкахъ хвоста искали, искали, и не нашли, тогда Воевода Шемяка судъ учинилъ и расправу и рѣшеніе такое: Какъ оный убогій мужикъ, Харипонъ, опспавной цѣловальникъ, взялъ кобылу съ хвостомъ, по и повиненъ возвращишь шаковуужь; почему и взявъ ему оную къ себѣ, и держашъ, доколѣ у нее не выросшетъ хвостъ.

Ну вопъ и съ плечъ долой, сказалъ Шемяка про себя; сдѣлаешь дѣло и

душѣ какъ - то легче! Премудрость, бышь Воеводой! Вѣдь не боги же и горшки обжигаютъ!

Удалось смѣлому присѣсть нагишемъ, да ежа раздавишь, подумалъ свашъ Демьянъ, первый блинъ да комомъ! Хопъ за то спасибо, что не призадумается; опзвонилъ, да и съ колокольни! Чупъ ли нашъ Воевода не съ Липвы; а шуда, говорятъ, на всю шляху одинъ комаръ мозгу принесъ, да и шопъ, никакъ, дѣвки порасхватали, а на нашего брапа не доспалось, что шиломъ папакн захватишь! Нашему Воеводѣ хопъ зубы дергай; человекъ другому услужилъ, а самъ виноватъ оспался; бьютъ и Фому за Еремину вину! Ни думано, ни гадаю, накликалъ на свою шею бѣду — не спучи, громъ убьешь! Кабы зналъ, да вѣдалъ, гдѣ упасъ, шакъ бы соломы подослалъ — не давалъ бы кобылы, не ходишь бы просишь. Мое дѣло спорона; а я бы Воеводѣ Шемакъ сказалъ сказку, какъ слонъ-Воевода разрѣшилъ вол-

камъ, взявъ съ овецъ по шкуркѣ съ сестры, а больше не велѣлъ ихъ прогашь ни волоскомъ! Такой колоколь по мнѣ хопъ разбей объ уголъ! Поглядимъ, что дальше будетъ.

Приходитъ еще просишель, по дѣлу уголовному. Сынъ везъ опца, больнова и слѣпова, на салазкахъ, въ баню, и спустился съ нимъ, подлѣ моспу на ледъ. Тогда поппъ же Харипонъ опспавной цѣловальникъ, у копораго и было ремесло, да хмѣлемъ поросло, шель пьяный черезъ моспъ, упалъ съ моспу, и убилъ до смерти больнова спарца, копораго сынъ везъ на салазкахъ въ баню. Харипонъ, подпавъ суду по дѣлу уголовному, немного спрусилъ; а когда его позвалъ Шемяка судія, по онъ, спавъ позади просишеля, показывалъ судиѣ шяжелую, шугонабишную, кожаную кису, будшо бы сулишь ему великое множеспво денегъ. Шемяка Анпоновичъ, Судія и Воевода, приказашь и судъ учинишь изволилъ шакой: чпобы

Харипону цѣловальнику спашь подь
моспомь, а вышерѣченному сыну убіен-
наго прыгапъ на него съ моспу, и
убишь его до смерти. Долгъ плаше-
жемъ красень. Покойнику же опдапъ
послѣднюю чеспъ, и приспроишь его
къ мѣспу ш. е. опвеспи ему земли
косую сажень, выкопашь землянку,
сняпъ съ него мѣрку, да сшипъ на него
деревянный шулупъ, и дапъ знакъ оп-
личія, креспъ во весь роспъ. — Свапъ
мой Демьянъ, услышавъ все это, за-
молчалъ, какъ воды въ рошъ набралъ,
и рукой махнулъ. Теперь, говоришь,
дѣло въ шапкъ, и концы въ воду; хошъ
свапныхъ вонъ понеси! До поры, до вре-
мени, былъ Шемяка и проспъ, да ли-
хоимспва не зналъ; а въ знапъ и силу
попалъ, шакъ и пуспился во всякія
художеспва; по бородѣ да по словамъ
Авраамъ, а по дѣламъ — Хамъ; — изъ
рѣчей своихъ, какъ закройщикъ модной,
шпешпъ, кроишь, да выгадываешпъ, по
заказу, по деньгамъ, по людямъ, по

лицу — чпо дальше, по лучше; ста-спливый путь!

Наконецъ приходишь еще челобитчикъ. Тотъ же пьяный дуракъ, Харипонъ, выпросился къ мужику въ избу погрѣться. Мужикъ его пустиль, накормиль, и на полаши спать положиль. Харипонъ оборвался съ полашей, упаль въ люльку и убиль ребенка до смерти. Опець привель Харипона къ суди, и, будучи крайне огорченъ поперею дитяши своего, просиль учинишь судъ и правду. Береза не угроза, гдѣ споншь, шамъ и шумишь! Харипонъ цѣловальникъ зналь уже дорогу къ правосудию: сухая ложка ропъ дерешъ, а за свой грошъ вездѣ хорошъ. Онъ опяшь показаль Шемякъ, изъ за челобитчика, шугонабитую кожаную мошну, и дѣло пошло на ладь.

Ахъ пы, окаянный, Шемяка Анпоновичъ! Суди и Воевода и блоспитель правды Русской, шипунъ тебѣ на языкъ! Лукавый самъ не соберешся

разсудить безприспращивѣ и замысловатѣ своего; — а кто хочеть знашь да вѣдашь послѣдній приговоръ суди Шемяки, конецъ и дѣлу вѣнецъ, пошь купи, за шри гривны, повѣспво-ваніе о судѣ Шемякиномъ, съ изящными изображеніями, не по Суздальскаго, не по Владимірскаго художника, начинающееся словами: «*Въ нѣкоторыхъ Полестинахъ два мужа живяше*» — и читай — у меня и языкъ не поворошится пересказывать; а я, по просьбѣ свапа, замѣчу только мимоходомъ, что изображение Суда Шемякина, церемоніала шеспвія мышей, погребующихъ коша, и симъ подобныя, неосновашельно называющіяся обыкновенно лубочными: эшо, говорятъ Демьянъ, показываешъ невѣжеспво и унишпельно для Суздальцевъ; изображенія сіи искусно вырѣзываются на ольховыхъ доскахъ, а не на мягкомъ и волокнистомъ лубкѣ. Но свашъ меня заговорилъ, и я опбрелъ опъ кола; началъ, шакъ

надобно кончишь. Чпо въ кони пощель,
попъ и воду вози; не дочипавъ сказки,
не кидай указы!

И пакъ, по благополучномъ рѣшеніи
и окончаніи прехъ уголовныхъ дѣлъ
сихъ, Шемяка послалъ повѣреннаго сво-
его пребовать опъ Харипона плашы,
копорую онъ ему во время суда су-
лилъ и показывалъ въ кисъ кожаной.
А Харипонъ цѣловальникъ отвѣчалъ:
это не киса у меня, а прашъ; лежали
въ ней не рубли, а камни; а если бы
судя Шемяка меня осудилъ, пакъ я бы
ему лобъ раскроилъ! Тогда Шемяка Ан-
тоновичъ, судя и воевода, перекре-
спясь, сказалъ: Слава Богу, чпо я не его
осудилъ; дуракъ спрѣляетъ, Богъ пу-
ли носишь; онъ бы камень бросилъ, и,
чего добраго, зашибъ бы меня! Попомъ,
разсудивъ, чпо ему пора отдохнуть и
успокоиться послѣ пияжкихъ прудовъ
и хлопотъ, на службѣ понесенныхъ,
разспроившихъ здоровье его, пакъ чпо
у него и подлинно уже ногти распу-

хли, на зубахъ мозоли съли, и волоса моль съѣла, — поѣхалъ, для поправленія здоровья своего, на службѣ упраченнаго, за море, на шеплыя воды. А Харипонъ цѣловальникъ опспавной, какъ пошелъ къ челобитчикамъ, пребывашъ по судейскому приговору исполненія, шакъ и взялъ, на мировую, опвяжись-де шолько, съ одного козу дойную, съ другаго муки чешверши двѣ, а съ прешьяго, никакъ, шулупъ овчинный, да корову — всякаго жиша по лопапъ, да и домой; а съ міру по нишкѣ, голому рубаха, со всѣхъ по крохи, голодному пироги! Всякъ своимъ умомъ живешъ, говоришъ Харипонъ; спарайся всякъ про себя, а Господь про всѣхъ; хлѣбъ за брюхомъ не ходишъ; не ударишъ въ дудку, не налепишъ и перепель; зимой безъ шубы не спыдно, а холодно, а въ шубѣ безъ хлѣба, и шепло, да голодно!

Вошъ вамъ и всѣмъ сесспрамъ по сергамъ, и всякому спарцу по спавцу!

Шемяка родиль, жену удивиль; хопь
рыло въ крови, да наша взяла; Го-
сподь милоспивь, Царь не всевидящъ —
бумага шерпишь, перо пишешъ, а на-
пишешъ перомъ, не вырубишь попо-
ромъ! Нашего Воеводу голыми руками
не достанешъ; ему бы шолько рыло
свиное, шакъ у него бы и сморчекъ
подъ землей не схоронился!

Чпожъ сказаць намъ про Шемяку
Анпоновича, какъ его чеспвовашъ, чъмъ
его подчивашъ? — Послушаемъ еще разъ,
на прощанье, свапа Демьяна, да и пой-
демъ. Онъ говоришь: Удалося нашему
шеляпи да волка поймали! Прощопа
хуже воровсва, въ дуракъ и Царь не
волень; по мнѣ ужъ лучше пей, да
дѣло разумѣй: а кпо начнешъ за здра-
вие, а сведешъ на упокой, кпо и плупъ
и глушь — шопъ — на вѣдьму юбка, на
сапану — шулупъ!

Кланяйся, свапъ Демьянъ, кумъ Со-
ломонидъ, расскажи ей быль нашу о
судъ Шемякиномъ, шакъ она шебъ,

горе мыкаючи, въ волю наплачешся; скажешъ : Нынѣ на свѣпъ, бапюшка, все пакъ ; бѣда на бѣдѣ, бѣдой погоняешъ, бѣду родишъ, бѣдою сгубишъ, бѣдой поминаешъ ! За грѣхи паяжкіе Господь насъ караешъ ; нынѣ, малой хлѣбъ ѣспъ, а креспнаго знаменія сотвориши не знаешъ — а большой, правою креспнишся, а лѣвую въ чужіе карманы запускаешъ ! А мы съ побою, свапъ, соловья баснями не кормяпъ, гдѣ сошлись, шамъ и пиръ ; новорожденнымъ на радоспъ, усопшимъ на миръ — поѣдимъ, попьемъ, да и домой пойдемъ !

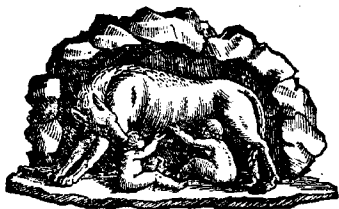
СКАЗКА ТРЕТІЯ,

о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ,
равно и о третьемъ единоутробномъ
ихъ братѣ, о славныхъ подвигахъ и
дѣяніяхъ ихъ и о новомъ Княжествѣ
и Княженіи.

**КАТЕНЬКЪ МОИЕРЪ и МАШЕНЬКЪ
ЗОНТАГЪ.**

СКАЗКА ТРЕТІЯ,

О РОГВОЛОДЪ И МОГУЧАНЪ ЦАРЕВИЧАХЪ,
РАВНО И О ТРЕТЬЕМЪ ЕДИНОУТРОБНОМЪ ИХЪ
БРАТЪ, О СЛАВНЫХЪ ПОДВИГАХЪ И ДЪЛІЯХЪ
ИХЪ, И О НОВОМЪ КНЯЖЕСТВѢ И КНЯЖЕНІИ.

Здравспвуйше, шѣни милья! Здравспвуйше, родныя опечеспвенныя видѣнія! Вы одногнездки со мною, земляки мнѣ, по Бугу и по Днѣпру, по Дону и по Невѣ — но вы язычники и поклоняешесь идоламъ роспу исполинскаго и кумирамъ искаженнымъ, по желанію и самовольной прихоти создаемымъ;

они являюща и пугающъ васъ, жалу-
ющъ и вируы налагающъ, мучашъ без-
человѣчно, брапающа и снова кары
насылающъ спрашныя; вы заговари-
ваете ихъ и умаливаете, по завѣпомъ,
по обѣпомъ опкупаешесь — волхвы и
шаманы и кудесники сохраняющъ связи
ваши съ вѣдьмами, съ домовыми и съ
русалками и съ богами высшими —
сводящъ съ ними и разводящъ васъ; —
мы дивимся вамъ и богапырскимъ ва-
шимъ подвигамъ; наши дни пекущъ од-
нообразныя — чародѣйства и въ завѣпъ
нѣпъ; вѣки шмой непроницаемой налегли
на жипъ и бышнѣ ваше; опголоски слабые
въ преданіяхъ изуспныхъ опзываются и
замирающъ — спаньше ешежды, пѣни
прадѣдовъ, спаньше въ доспѣхахъ сво-
ихъ рашныхъ, богапырскихъ, и про-
шекише надо мною медленно: я вдохно-
вень и увижу васъ: увижу невидимокъ;
я знаю грамопъ Россійской скоропи-
сной и предамъ памяпъ вашу попом-
спву, я избавлю васъ опъ забвенія!

И славолубивые предспали и прошекли чредою медленной, благообразной!

Начинаешся сказка чудная: о Рогволодѣ и Могучанѣ Царевичахъ, о славныхъ подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ и о новомъ Княжествѣ; излагаются въ ней доблести и прозвища помянутыхъ рыцарей близнецовъ и прерпяго единоупробнаго ихъ брата. А кто читаша спашеть, просимъ не прогнѣвашся; у меня сказочникъ парень незадорный; ѣспъ пряники писаные, а говоритъ рѣчи без-

грамошныя; былъ-небылицъ спариннаго въку наслушавшись, мелешъ, не такъ какъ слово къ слову пригоняюшъ, на безмень прикидываюшъ, на аршинъ примѣриваюшъ — упаси Богъ! За эдакимъ письмомъ промаявшись, когданибудь безъ покаянія умрешъ! — Нѣшъ, онъ мелешъ съ йроспа, съ плеча!

Сказка написана во здравіе и утѣшеніе Капеньки Моіеръ и Машеньки Зоншагъ; писашель кланяешся и бѣешъ челомъ; маленькой рыбкѣ малое плаваніе, а выросшете велики, чашайше были високоумныя, да меня со свапомъ Демьяномъ лихомъ не поминайше. Сказки и преданія предпечи лѣпописей.

Сказка опъ начала начинаешся, до конца чашаешся, въ срединѣ не перебиваешся. Сказка моя шакъ сложена, что добрымъ дѣшочкамъ въ руки даешся, а опъ недобрыхъ бѣгаешъ, какъ жеребенокъ молодой лягаешся, сѣрой кошкой перекинешся, невидимкой скроешся. Успавъше же, дѣши, свои ушенки,

какъ молодые зайченки, сидите и слушайте!

За полями, за лѣсами, за морями дальними, опѣ нашего опечесства въ разспоянїи шакомъ неизмѣримомъ чпо глазомъ не окинушь и пядью не перемѣряшь, власпивоваль Князь — не скажу и имени его, для шого, чпо онѣ былъ Князь не добрый, лихой, брюзгливой, неприспунный и зависпливый. Онѣ по жеребью сыскалъ и супругу по себѣ; придворные, шуша, звали его *Сенькою*, а супругу его, копорая, скрываетъ низкій уродливый роспѣ свой — ибо она была не выше Русскаго букваря, полько по полще — всегда носила пресмѣшную бобровую шапку, называли запроспо *Шапкою*; опѣ чего въ послѣдспвїи и произошла пословица: *по Сенькѣ шапка*. Жили они жили, Князь Сенька со Княгинеею Шапкою, соскучились безъ дыпища и заслали въдму чалоглазую, за море за Варяжское, въ придесяное Государспво, во спрану невѣдомую,

гдѣ у Царя пройни родились красоты и доблести рѣдкой, такъ что слухами о себѣ и славою преисполнили вселенную. Украла чародѣйка злая мальчиковъ прехъ у несчастнаго невѣдомаго Царя Варяжскаго, понесла ночью темною по лѣсамъ и по горамъ и уронила, пошляла одного малюшку, а донесла только двоихъ и вручила ихъ повелишелямъ спраны своей. Они выдали близнецовъ за своихъ: не было родинъ, вдругъ двое крестинъ! Малюшки, близнецы, милые, пригожіе, ни въ отца, ни въ мать, ни въ семейную спашь, ну такъ, что дивились имъ повивальная бабка, госпи именишые, придворные и весь народъ. Они росли не по днямъ, а по часамъ; привлекали и плѣняли неизменною милостивою и юнымъ мужествомъ своимъ всѣхъ, ихъ окружавшихъ. Князю Сенькѣ съ Княгинеею Шапкою, ложнымъ родителемъ ихъ, спало шенерь эшо завидно, и начали они придумывать способъ, какъ бы бѣдныхъ

пріемьшей своихъ извещаній, или съ рукъ сжишь. Не думай, не гадай, а испортишь опдай, сказала масть — и спали дѣшей въспрѣчному и поперечному показываешь, и заспавляли хвалишь ихъ и удивляешься красотъ и здравію ихъ; ибо въ погдашнее необразованное время, а эпому уже очень давно, върѣли еще шому, что, если недобрымъ глазомъ кто на кого взглянетъ, или нечислымъ языкомъ похвалишь, такъ испортишь или сглазишь. Но бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ; съ инова сорвалъ бы и голову, такъ не ухватишь и волоса; наровишь сосѣду въ бровь, а попадешь себѣ же въ глазъ! Малюпки росли да попягивались, живы, здоровы, а у Князя на лбу разцвѣла шишка съ Крымской огурецъ, а Княгиня, будто бы на полѣ-локши въ землю ушла, сдѣлалась еще ниже прежняго! Праведный гнѣвъ овладѣлъ шеперь Княземъ; онъ созвалъ мудрый Совѣтъ свой, людей великихъ и опыш-

ныхъ, и приказалъ имъ, скоро на скоро, со спула не вспавая и глазъ съ мѣспа не сводя, придумаешь — пригадаешь и на дѣль указаешь, какъ извести Князьковъ neodолъваемыхъ. Между Судьями княжескими, блюстителями правды, былъ нѣкто *Бълоусъ Переметная сума*, кошорый всегда и во всемъ Князю попкалъ, много исполнялъ дурныхъ его приказаній, и славился припомъ пронырствомъ своимъ, смѣпливоспїю, узорчатымъ умомъ и шорватыми выдумками. Иной хомякъ не успѣлъ бы и напоюку шабаку ухвацишь, какъ онъ дѣло придумалъ, приладилъ, пригадалъ и шопопомъ Князю пересказалъ; Князь до того обрадовался этому, что послалъ всему Совѣщу своему по спакану збишню, по Муромской сайкѣ, и велѣлъ первому придворному скомороху и цимбалиспу своему сыграшь имъ по плясовой на брапа. Кошкѣ смѣшки, а мышкѣ слезки; кто скачешъ, а кто и плачешъ!

На утпро, ни свѣтъ, ни заря, Бѣлоушь перемешная сума вспаешъ раньше шешерева, садился въ ладью рыбацкую, берешъ съ собою бочку дубовую чистой опдѣлки, съ мѣдными липыми обручами; закупорена, засмолена и закрашена крутомъ, пазамъ и слѣду нѣтъ, только Богъ одинъ вѣдаешъ-знаешъ, что злодѣи думаютъ, что гадаютъ! — Ударили гребцы-молодцы, волною взлелѣянные, въ весла, выгребли на вѣперъ, поставили парусъ волнистый бѣлокрымый, и полетѣла ладья, не поспѣешъ волна слѣдъ заливать!

Черезъ часъ мѣста Бѣлоушь перемешная сума ворошился и доложилъ Князю, что дѣло сдѣлано, и правой поросло. Князь его произвелъ въ первые придворные Орѣховавы свои, приказалъ носить кафтанъ на изнанку, и дозволилъ пѣходя спотыкаться на каждомъ шагу — знаки отличнаго благоволенія! Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что земля, то проказы!

Но когда Бълоусь Перемешная сума возвращался съ моря, ладья его шла легко, подымалась высоко, и лепъла по волнамъ; пшажелой бочки съ мѣдною оковою не было; онъ скинулъ ее въ море, пущилъ во глубину неизмѣримую — если Ивана Великаго прѣмля саженьями наспавишь, и макушка не выкажешся изъ воды; мѣрнымъ аршиномъ въ высокосный годъ не перемѣряшь; лучшему водолазу, безъ жернова на шеѣ, дна не достаешь! Сохрани насъ Богъ и помилуй, дѣпки; вздумаешь, шакъ голова кружишся! Ты, Маша, на Черномъ морѣ живучи, видывала, какъ Киптъ-рыба ныряетъ, по безмѣрной и необъятной средѣ свѣшлой гуляетъ; а пы, Капя, по Юрьевской мосповой похаживая, до поры, до времени, въ долгъ повѣрь!

Но догадались ли вы, что было въ бочкѣ эпош? Близнецы Княжескіе, коимъ завидовали самозванцы опецъ и машь, ибо боялись, чтобы народъ ихъ не полюбилъ болѣе родишелей; у кого

совѣсть не чиста, шому и пѣнь ко-
черги висѣлица. Два брата невинныхъ,
жертва коварнаго властолюбія и зави-
спи; одинъ назывался Рогволодъ Сизо-
крыльй орель, другой Могучанъ Бо-
гапырская поспушь, — имена, данныя
имъ крестнымъ опцемъ, волхвомъ, зна-
менишымъ Людохраномъ, по прозванію
Громовой опводъ, прорицали будущую
славу ихъ, величіе и могущество; —
но шеперь — поигбло все! Бочка шжемя
семь лѣтъ ко дну идепъ, дна не доспа-
нешъ; Могучана Царевича поспушь бо-
гапырская скована, Рогволода Царевича
крылья соколныя не выносятъ! Ль-
ниваго дошлешься, сонливаго добудишь-
ся, а мертваго — никогда! Возмише пе-
ску горешъ, да пошйше по швердому
камню — когда песокъ пошъ взойдепъ,
опушкой зеленой пороспешъ, шогда вс-
ропшися Царевичи изъ невольнаго по-
хода своего! Недобрый Князь, недо-
брый Бѣлоусъ Сума перемешная — Богъ
вамъ судья!

И такъ близнецы наши семь лѣтъ уже путешествоуютъ среди неба и земли, опрышенные отъ свѣта, отъ людей, отъ всего живаго, отъ помощи и пособія, одни, заключенные, носимые буйными волнами по безднамъ океана! Далъ Богъ ропикъ, даспъ и кусочекъ; лежи и жди, сказалъ Рогволодъ нешерпѣливому Могучану; и оба улеглись снова. Скоро сказка сказуется, не скоро дѣло дѣлается; семь лѣтъ не семь часовъ; а посидише-ка, дѣпки, и семь часовъ на одномъ мѣсяцѣ, такъ по ногамъ мурашки заползаютъ!

Семь лѣтъ миновались. Наспала роковая ночь. Крестный отецъ Царевичей, Людохранъ Громовой отводъ, приказалъ закладывать парадную карешу свою; а кареша у него была безъ оконъ, безъ дверей, безъ кровли, безъ помосту, ни колеса, ни полоза, ни дышла, ни оглобли — закладывается попросу безъ зашѣй, ѣздишь по землѣ и по морю, со звѣзды на звѣзду перескаки-

ваешь, сама себя пупи новые прола-
гаешь.

Лишь провѣдала о шомъ вѣдьма ча-
логлазая Карга Фоминишна, по прозва-
нію Рѣдечная пѣрка, для шого, что у
нее, въ молодости, черпш на рожѣ въ
свайку играли, ошѣ чего у нее слѣды
рябые и до спаросши еще не изгладн-
лись, — лишь провѣдала она о намѣ-
реніи непріятеля своего закоснѣлаго;
Людохрапа, съла шопчасъ въ возокъ
свой. А возокъ у нее былъ, буднишній,
черепокъ бшпый, а праздничный, плю-
шка; подѣ черепкомъ пряпица, въ че-
репкѣ Карга пицца, чернымъ лоскупомъ
завѣшана, чешыре филина въ упряжкѣ,
два въ корню, два подѣ выносомъ —
поросенокъ за фалешора (*), сычѣ за
кучера, сова на запискахъ, змѣи ле-
пучіе — скороходы и вожашые.

Полепѣли молодця, близко ли, дале-
ко ли, низко ли, высоко ли — Людо-

(*) Прошу извинить; моему сказочнику *Форрей-
тера* и не выговорить!

хранъ Громовой опводъ выше лѣсу споячаго, ниже облака ходячаго — вѣдьма чалоглазая, Карга Фоминишна, по прозванію Рѣдечная шерка, ниже правы, пѣше воды — съѣхались надъ моремъ-Океаномъ, среди неба и земли; спалъ Людохранъ доспавапъ со дна морскаго Царевичей; налегла ему на руку вѣдьма чалоглазая, зубами веревку перегрызла. Замахнулся Людохранъ громовымъ опводомъ своимъ, и пословица : часомъ изъ дубины выпалишь, сбылась. Вѣдьма полетѣла въ море, заспонала, берега впорчили реву ея, ушесы каменные содрогнулись, рыба спасалась на глубину, филны замахали крыльями своими опъ ужаса, и Людохранъ, оглушенный, самъ палъ безъ чувспвъ.

И топчасъ сѣспра родная Карги Фоминишны, почувъ голось знакомый, пуспилась на помощь. Баба-Яга, костяная нога, въ спупъ ѣдепъ, леспомъ ушпраешъ, помеломъ слѣдъ замешаешъ. Вѣдьма чалоглазая сочла ее, въ пошь-

махъ, зя неприятелиа своего Людохрана и спала на нее насылапъ огненныхъ змѣй своихъ, спала сама полепомъ совинымъ налепывапъ. Баба - Яга песпомъ и помеломъ обороняешя, угорълой кошкой мепаетя, — и началась бипва ужаснѣйшая, какой подобной не было съ пѣхъ поръ, какъ свѣпъ на прехъ кипахъ споипъ; въ сравненіи съ копорою морское сраженіе подъ Навариномъ было одною шолько пуспою сшибкою!

Проказипъ бѣсъ на свою голову; Сатана за все беретя, да и сатанъ не все удаешя! Выпры неслыханные взвыли со всѣхъ концевъ вселенной, налегли на море, море заспонало, пѣна воздвиглась до небесъ, молнія камни подводныя крошила въ дребезги, дно морское съ чудовищами своими, опъ роду вѣковъ свѣпу Божьяго невидавшимъ, обнажилось; и — близнецы Царскіе, въ дубовой бочкѣ своей, съ мѣдными обручами, испорженныя изъ вершеловъ

подводныхъ, лепали по верхамъ валовъ. Эпо было въ полночь; солнце взошло и освѣщило тихое какъ зеркало море, и спокойно на берегу лежащую бочку.

Бочка эпа шеперь походишь на яйцо орлицы: ни слуху ни духу, заковано, законопачено, пазамъ и слѣду нѣтъ — а придетъ время, пряхнешъ крыльями орленокъ молодой, и скорлупа раздаспся!

Благослови, брапъ любезный, попянушься, сказалъ Могучанъ Рогволоду; коспи смежались, какъ сельди Голландскія, спину свело дугой ямищкой, руки, ноги сплелись Валдайскимъ барашкомъ! Полно сидѣшь на коршочкахъ, сказалъ Рогволодъ, до Бога высоко, до Царя далеко — намъ просишь о помощи некого. Попянишь, брапъ любезный, въ одинъ конецъ, я попянусь въ другой!

Попянулись брапья-близнецы-богатыри, раздалась бочка дубовая, съ обручамъ мѣдными, полешъли осколки за придевашъ земель, въ придесятое Государство. — Вспали молодцы, опра-

вились, опряхнулись, какъ орлики молодые изъ гнездышка, оглянулись на всѣ чепьре спороны, порадовались свѣшу бѣлому, и пошли промышлять себѣ жипельшва, яспва и пипіія. Познали себя на островѣ чудесномъ, гдѣ всякихъ кореньевъ пипапельныхъ и вкусныхъ, Фрукшовъ, овощей и винограду, хопъ лопапой загребай; паспила, въ лашпочкахъ, на деревьяхъ роспепть, медъ Липецкой гуспымъ попокомъ клубишся, хруспаль сахарной берега его успи-лаепть, квасъ малиновый рѣкой судоходной пропекаепть, калачи горячіе Московскіе паромъ своимъ воздухъ согрѣваюпть, мороженое, ппридцашппяши соршовъ, на подносикахъ золопыхъ, дѣвушки русокосыя разносяпть.

Не хочу и рая, сказалъ Могучанъ, буду здѣсь жить и умирапть. Накинулъ кольчугу чеканную, шеломъ съ лепучимъ зміемъ и гривую космапою, поднял щипъ какъ солнце ясный, и мечъ кладенець. Оглянулся на Рогволода —

на немъ лапы изъ подь молотка; шело-
ломъ заморской выведенъ на передь
львинымъ рыломъ, глаза вспавлены ал-
мазные, яхонтами осыпаны, въ рукъ
щипъ шусклой рабошы, съ прописью
не Славянскою; коше булашное хвостни-
комъ касачкинымъ выведено, киспями
шелковыми разукрашено. Сердце у нихъ
шакъ спучало, чшо лапы серебряныя
звенѣли!

Еще ли хочешь здѣсь жить и уми-
рашь? спросилъ Рогволодъ Могучана.
Нѣтъ, брагъ любезный, спыдно, семь
лѣтъ проспавши, добраго ничего не
сдѣлавши, на осьмой нѣжипься лелѣ-
лпсья, въ меду, какъ въ маслѣ сырѣ,
капашься; — пойдемъ, куда спопы по-
несупъ богашырскія, понщемъ прикло-
ченія, похождения и судьбы. Мы не на
щипахъ возмелѣяны, не подь шеломами
повипы, не концемъ копя воскормлены,
а спопимъ и шакихъ. Пойдемъ, покажемъ
рыси своей. Разошлись парни, поклони-
лись въ поясъ брашъ брапу, положили

по поклону опцу и мапери, родипелямъ невѣдомымъ, помолились и пошли. Слушай ты богатырскаго посвиспа моего, я буду слушать швоего. Будемъ спояшь горой братъ за брата. Прощай.

Разошлись добрые молодцы въ разные споронушки — какъ же намъ бышь? на двое не разорвашься, а покинушь одного жаль! Богъ въспъ, когда съ другимъ ояшь свидишься!

Могучанъ Богатырская поспушь, пяни шаговъ не прошелъ, жеребець удалой его нагоняешъ; ржешъ, паръ изъ ноздрей; бьешъ копытами машь сыру землю; сѣдло Кабардинское, подъ попоной малиновой, подпругами золопыми приспегнупо; уздечка сафьяновая, вязаная, бляшками серебряными съ чеканью вроненой разукрашена. Улыбнулся Могучанъ счастью своему сиротскому, ухватился лѣвою за гриву, занесъ ногу въ спремя — видишь, бапракъ, въ бронь кожаной, въ шишакъ, съ предлиннымъ перомъ индюшечьимъ, огромный мечъ

при бедръ, на широкомъ черномъ ремнѣ съ пряжкой оловянною, усы чешверши въ полпоры — подаешъ ему спремя. Ты кто шаковъ? — Тришка, по прозванію Боровикъ, вѣрній слуга швой. — Мнѣ дядьки не надобно, сказалъ Могучанъ; меня выносило во упробѣ своей море синее, валъ гремучій пѣшовалъ на лонѣ своемъ, на рукахъ носилъ вѣпрѣ ревучій, а гроза и буря убаюкивали! Собирайся, Боровикъ, во походъ шши, раскланяйся на всѣ чешыре спороны, спупай, ищи самъ себѣ приключеній, походовъ и судьбы! Самъ взвился и сѣлъ. Конь захрапѣлъ подъ сѣдокомъ: — шерпи казакъ, ашаманъ будешъ, сказалъ Могучанъ, ударилъ коня пяпами по крупымъ бедрамъ, свиснулъ богашырскимъ посвисшомъ, опустилъ забрало рѣшешчапое и поскакалъ, полько пыль сполбомъ. Такъ онъ скакалъ, давъ волю коню своему, аргаману неушомимому, опѣ полночи на полдень, шри дня и шри ночи. Видѣлъ во снѣ

Баянъ соловей, пѣснопѣвецъ запѣйливый,
какъ скакаль Могучанъ Царевичъ, Бо-
гатырская поступи, и сложилъ именемъ
его пѣсню :

*Пѣснь о Могучанъ Царевичъ Богатыр-
ской поступи, и о летучемъ борзомъ
конь его аргамакъ неумоимомъ.*

Лишь смеркается день, и привѣтливо тѣнь
И вблизи и вдали устмалась на земли —
Я взвился на коня и помчалъ онъ меня,
Какъ легокъ вътерокъ, мой соколъ черезъ доль!

И потокъ поперегъ ли, ручей ли съ полей,
Безъ разбору я мчусь, безъ оглядки несусь —
Чуетъ конь гдѣ огонь, гдѣ вода, гдѣ бѣда,
Выплывалъ изъ воды, изъ огня, изъ бѣды!

Я дороги не зналъ — я скакаль, въ переваль
Отъ зари до зари — ночь и день, черезъ пень,
И о плиты копыты стучать и звенять
По полямъ, по кустамъ, черезъ тернъ, черезъ дернъ!

А потокъ гдѣ широкъ, гдѣ рѣка глубока,
Я сѣдло покидалъ, я за гриву хваталъ
Жеребца-удальца — на тотъ край выплывай,
Выноси, удалой, вздока ты съ собой!

Спой! заревѣль ужасный голосъ — и Могучанъ узналъ пого же злодѣя, у копораго нѣкогда Вадимъ ошбилъ Княжну Кіевскую. Топъ же роспъ огромный, ша же спашъ исполинская — кожа медвѣжья за спиною, дубина спопудовая на плечахъ. Онъ счель видно Могучана за Вадима, и хопгъль ошмспишъ обиду; рука опрубленная прикована была къ плечу желѣзнымъ ободомъ. Рогволодъ не разсудилъ ему рубишъ руки, чшобы не распревожишъ спарой раны, а принялъ плечемъ богашьрскимъ ударъ дубины, и мечъ кладенець запустилъ исполину въ пѣнящійся зѣвъ, по самую рукояшъ. Спо-

лѣшніе дубы выворачиваль съ одного маху палицей своей, валяль по сошнѣ конныхъ и пѣшихъ выпязей — а Могучану Царевичу и синяка не означилъ на плечѣ богатырскомъ. Вошъ какъ наши поправляюся! Знашь не на шого наскочилъ!

Прошло опяшь дней и ночей нѣсколь-ко, ѣдетъ Царевичъ нашъ шагомъ, попунилъ взоры передъ себя, досадуешъ, что некому развеселишь богатырской души его, скучаешъ безъ похождения. Вдругъ видишь, спонилъ надъ дорогой мѣльница — крылья сами ходяпъ, сами мѣшки паскаюпъ, сами на жерновъ высьшаюпъ; мѣшки изъ рядна небѣленаго, а рядно парчевое; зерна пшеничныя золопыя, ржаныя серебряныя, сыплеся мука жемчужная, сама на выборъ по нипкамъ нижеся, по пастамъ раскладываешся, а ни кого не видашь. Могучанъ, возвыся голосъ молодецкій, спалъ призываеш хозяина. Трынка Вольнка Гудокъ, и супруга его, Прялка Мошалка Валекъ, оба опозвались:

Трынка Вольнка Гудокъ сидишь на семи куляхъ въ углу и куешь золошья колечки, а Прялка Мошалка Валекъ прядешь шелкъ, да нижешь жемчужныя ожерелья. Продайше мнѣ нишку жемчугу, люди добрые! сказалъ Могучанъ. Жемчуги наши не продажныя, не даровыя, а завѣшныя, опозвалась Прялка Мошалка. А что завѣшу на нихъ? спросилъ Царевичъ. На каждое мое ожерелье, мужъ мой куешь по колечку обручальному, а кольцо обручальное ояшь завѣшное. На него для добраго молодца, каковъ ты, при завѣша. Брапись не брапись, любо и вольно; а возмешься сняшь завѣшы, да не сможешь, прошу не прогнѣвапись, если роду ты не холопьяго, а Княжескаго, будешь у насъ семь лѣтъ бапракомъ служишь! Не давъ слова крѣпись, а давъ слово держись. Первой завѣшь, показавъ силу и искусство плѣснѣя, найши замокъ пловучій семибашенный, да освободишь малиновку - заключенницу изъ подъ плѣну безсрочнаго. Вспорой, пока-

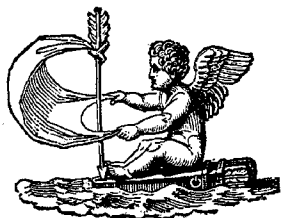
запъ силу и свойства душевныя, нрав-
спвенныя, сдѣлапъ доброе дѣло и не
похвалипъся имъ, не искапъ, не ожи-
дапъ и не просипъ награды. Трешій,
опличипъся свойспвами и качеспвами
умспвенными, показапъ умъ да разумъ
свой, загадапъ шакую загадку самодѣль-
щину, чпобы Трынка Волынка Гудокъ
и Прялка Мошалка Валекъ надъ нею
призадумались, и въ прои сущки не
разгадали.

Пущилъся въ пупь Царевичъ, искапъ
замка пловучаго, семибашеннаго. Карга
Оминишна, вѣдма чалоглазая, по про-
званію рѣдечная шерка, попчасъ дала
знапъ объ эпомъ брапу своему, гремя-
чему Змью-горыничу споглавному, чудо-
вищу непобѣдимому — а попъ и спалъ
подсылапъ подчиненныхъ своихъ на
вспрѣчу Царевичу, запрудняпъ пупъ
ему, съ дороги сманивапъ, чпобы не
нашелъ онъ замка пловучаго семибашен-
наго. Спалъ льшій передъ нимъ мѣлкимъ
бѣсомъ разсыпашься, кошкой черной въ

сумеркахъ черезъ дорогу перекидываешь — покинулъ Царевичъ дорогу бипую, пошелъ по полямъ, по кочкамъ, спороною, лѣсомъ — поперяла кошка Царевича, пошла, съла на перекрестокъ выжидать другаго прохожаго. Спаль лѣшій филиномъ пучеглазымъ налепываешь, крыльями совиными своими Царевича обмахиваешь — навель онъ, среди шемной ночи, яркій какъ солнце щипъ свой, на филина полуночнаго — испугался филинъ свѣша и убоился и пропаль. — Спаль лѣшій съ правою съ лѣсомъ ровняешь, заслоняешь дорогу, ложнымъ посвиспомъ богашырскимъ насвиспываешь, въ чашу глухую лѣса выпязя заманиваешь: — нѣшь, сказалъ Могучанъ, не шаковъ посвиспъ молодецкій браша моего, Орла Сизокрылаго; у него, съ посвиспа, у звѣря волосъ дыбомъ, а у дуба лиспья осьпаются! Спаль лѣшій плакашь жалосшно малюшкою, хохомомъ рѣзкимъ по лѣсу разсыпашься — но Царевичъ идешь, да идешь, пушемъ сво-

имъ, куда глаза глядяпть, куда спопы несупть богатырскія, за каждымъ шагомъ къ шерему приближаешся. Видипть наконецъ, змѣй лепучій Горыничъ, чудовище споглавое, непобѣдимое, чпо послы его съ пуши сбипть Царевича не возмогли, а указали ему полько до-рогу ко гнѣзду его и жилищу, къ шерему семибашенному, въ опкрыпый бой съ нимъ вспуаешть. — Споипть, на озеръ обширномъ, шеремъ семибашенный, пло-вучій, безъ приспуу, безъ воропть; вышльваюшть изъ семи башенъ по семи кораблей, на каждомъ корабль по семи бапарей, на бапареъ по семи самоспрѣ-ловъ, на каждомъ самоспрѣлѣ по семи-сопть спрѣль. Осыпали спрѣлы Царе-вича, шакъ, чпо свѣпу Божьяго не взви-дѣль: солнце запмилось пучами ихъ.

И не птица, а летаю,
Но крылами не машу —
Клевъ буматный; настагаю —
Какъ вопьюсь, такъ задрожу!
Я летаю, не виляю,
Не пою я, а свищу!

Но посушь богатырская пронесла его мимо гибели, и невредимый спалъ онъ у сѣньхъ крупныхъ досчашныхъ. А сѣньны крупыя досчашныя, съ верху до низу струнами унизаны громозвучными; чпо шагъ, по загудяшъ, заиграюшъ, близость непріятели хозяину, змею Горыничу, возвѣщаюшъ. Шагнуль Царевичъ еще разъ богатырскою посушью своею, не коснулся пашою оградаы зачарованной, ни вершины сѣньны семибашенной, и попралъ стопами старшаго дѣтница сапаны, змя Горыничу, огненнаго, споглаваго, непобѣдимаго. Спонишъ среди озера свѣсплаго оспровокъ съ локопокъ; на помъ оспровѣ росшешъ береза золопья сучья, на шѣхъ сучьяхъ сидяшъ ппицы райскія, поюшъ пѣсни Царскія;

на самой на макушкѣ виситъ клѣпка
воздушная, изъ проволоки невидимки; —
а проволока та свипа изъ однихъ чи-
спыхъ поцѣлуевъ дѣвспвенныхъ, пере-
плешена лучами взоровъ очей карихъ и
голубыхъ — въ шой клѣпкѣ сидитъ-
порхаешъ малиновка-узникъ, въ плѣну
безсрочномъ горюешъ. Высвободилъ Мо-
гучанъ Царевичъ, не плѣняя пѣснями
райскими, сладоспными, усыпипельны-
ми, малиновку заключеницу изъ плѣна
завѣшнаго, безсрочнаго; малиновка взви-
лася на крыльшкахъ яхонповыхъ, пе-
рекинулась красною дѣвою, и исчезла
въ синемъ морѣ неба вѣчнаго. Грянулъ
громъ и замокъ зачарованный, семиба-
шенный, со всѣми причудами своими,
исчезъ какъ не бывалъ; и среди поля
чиспаго оспался одинъ Царевичъ съ
думою своею.

Ты ли суженая поманила мнѣ,
Бытіемъ не земнымъ повѣяла?
Ты ль на ясную душу молодца
Развеселую, разудалую,

Богатырскую, неповинную —
Ты ли грусть на нее накликала? —
Ты ли суженая поманила мнѣ,
Бытіемъ не земнымъ повѣяла? —

Не ожидаешь ли пеперь Трынка
Вольника Гудокъ и супруга его, Прялка
Мопника Валекъ, чшобы я ворошился
къ нимъ за жемчугомъ? Нѣшъ, не при-
дасшъ мнѣ жемчугъ и золото ни спо-
койспвія, ни довольспвія, и домогашъся
его, за дѣянія свои, ешъ дѣло недо-
стойное Могучана Царевича! У меня въ
груди проснулось сокровище: Безкоры-
стное влеченіе дѣлашъ добро и сохра-
няшъ чистую совѣшъ. Она меня на-
градишъ по достоинству за дѣла и

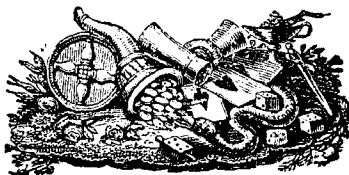
поспупки мои, не вознесеть пуспсло-
віемъ, не уронишь оговоромъ и клеве-
пою. Но едва успѣлъ Царевичъ предашь-
ся такимъ образомъ влеченію новыхъ
пробудившихся въ немъ чувствъ и мы-
слей, какъ симъ самымъ исполнилъ вопро-
рой завѣсть. Онъ позналъ себя передъ
пою же мѣльницею: крылья сами хо-
дять, сами мѣшки пашкаютъ, мѣшки
изъ ряда небѣленаго, а рядомъ парчевое;
зерны пшеничныя золопья, ржанья се-
ребрянья, сыплется мука жемчужная,
сама на выборъ по нпшкамъ нижепся,
по пасмамъ раскладывается; — Трынка
Вольнка и Прялка Мопалка вышли къ
нему на вспрѣчу, и принявъ слово ре-
кли: Охъ ты гой еси добрый молодець
Могучанъ Царевичъ Богатырская по-
спушь! Первые два завѣща побою пс-
полнены во всей спрогоспи; но теперь
обязанъ ты приспупишь и къ шре-
пъему, увѣнчапья спяжаніемъ dospоя-
нїа единспвеннаго, или подпашь на
семь лѣтъ подъ плѣнь и рабство намъ

и наследникамъ нашимъ. Теперь, Царевичъ, думай да загадывай загадку-самодѣльщину, чпобы мы вдвоемъ, призадумавшись, въ прои сушки ее не разгадали. Могучанъ Царевичъ въ карманъ не полѣзь за нею. Ома не купишь ума, свой продаешь; разгадайше же мою загадку!

Загадка.

Наша шайка луга любить зеленые,
На разбой почной не по дубравамъ ходить.
Въ нашей шайкѣ жить и быть заповѣдныя —
Атаманъ съ собой артель свою выводить.
Въ нашей шайкѣ атамановъ-то четыре;
Не велики мы, а рожа рожн ширь!
Носимъ красныя рубахи, голубыя, —
А кафтаны, всѣ въ одинъ на пасъ, рябые.
И артелей, по атаманамъ, четыре;
Знамена свои, значки заповѣдныя!
Намъ пардону нѣтъ; пардону мы не просимъ;
А двойной комплектъ головъ въ запасъ носимъ!
Подъ казенной содержались мы печатью —
Чортъ ли вольницу удержитъ, нашу братью!
Атаманъ у насъ одинъ уже клейменый! —
При огняхъ заповѣдныхъ, на лугъ зеленый,

По ночамъ мы на разбой идемъ условной —
Нѣтъ поживы съ насъ Палатъ Уголовной!
Атамановъ двое рыжихъ, два чернавыхъ;
Стерегитесь, люди добрые, лукавыхъ!
Королей, Царицъ, Царевичей плывили,
Кого шутомъ, кого нищимъ покидали!
Атаманъ очередной и бьетъ и рубить,
Больше всѣхъ насъ чередной артелью губить!
Крѣпостные мы; за деньги рады драться;
Кто насъ купить, за того идемъ стараться;
Покупать — такъ намъ же въ руки отдаваться —
Не дадутъ ни посмотреть, ни торговаться!
А привяжемся, добромъ не отвязаться!
Полно думать, Трынка, какъ не догадаться!

Но Прялка Мопалка и Трынка Во-
лынка надъ этою загадкою шакъ при-
задумались, что у нихъ было и мѣль-
ница спала! Тогда Могучанъ Царевичъ
вошелъ и выбралъ себѣ золошное коле-

чко и къ нему ожерелье любое. Царевичъ, сказалъ шеперь Трынка, я швой слуга и вся моя семья; чшо прикажешь, шо будемъ дѣлать, швой рѣчи ловишь, швою службу служишь; колечко шы взялъ неощьненное; колечко, надѣляющее шебя рукою и сердцемъ Русской Княжны Милонъги, изъ дому Госпомыслова; пой самой, копорая, зачарованная, нодъ завѣшомъ сидѣла малиновкою, среди замка семибашеннаго, въ клѣшкѣ — невидимкѣ на березѣ золошой; она шеперь швая. Не сбьлось еще великое, сказалъ Царевичъ, до Русской земли еще далеко, далеко — дорога моя лежишь шуда, прямо съ полуночи на полдень!

Вишязь прошелъ ошяшь при дня, при ночи, спалъ снова скучашь — горевашь ошъ бездѣлья, накликашь похождения. Вдругъ, видишь, зашелъ въ дичь шакую непроходимую, чшо ни вадъ, ни впередъ, ни въ бокъ, ни въ другой; перновниками превьсокими заглохло все кругомъ, шакъ чшо скрябкой

не продерешься; — слезаетъ Могучанъ Царевичъ съ коня своего молодецкаго, поспушью богатырскою шиповники колючіе попираетъ, пупь-дорогу новые себѣ пролагаетъ. Ночь застигла его темная; не видаешь ни зги; прутья въ глаза продираются, ноги Княжескія подсыкаютъ — дождь льетъ ливнемъ, градъ съчепъ, буря валетъ деревья, молнія лепаетъ какъ змѣи огненныя, скороходы-вожашыя Карги Фоминишны, волки голодные завываютъ, добычу свою поджидаютъ. Видно Перунъ на сидѣлки ушелъ, подумалъ Царевичъ, а ребята ошъ бездѣлья добрались до снарядовъ его — погоди, ворошился; такъ онъ васъ!

Но погода не унималась, градъ билъ еще сильнѣе, громъ рыкалъ безпощадно, деревья сплетались сузями рука съ рукой; — негдѣ приклонить головушки ошъ буйной непогодушки! Подюмилсь колъна богатырскія, упалъ Могучанъ Царевичъ ожидая разсвѣту. Вдругъ

земля подъ нимъ разснупилась — блѣд-
ный свѣтъ разноцвѣтныхъ огней по-
разилъ изумленный взоръ его — благо-
звучіе чудное, слухъ: — онъ сидитъ на
колесницѣ, выдѣланной изъ одной жем-
чужины; подъ нею Кипайскія колесы
огненные, олени заморскіе въ упряжкѣ,
опроки, опроковицы, цвѣтами пушь по-
сыпаютъ, пѣсни лесныя напѣваютъ —
по обѣ стороны, на липкахъ, горлянки
воркуютъ, бѣлки прыгаютъ, орѣшки
погрызываютъ — подъ ними въ зелени
шелковой пушистой зайчики играютъ,
пушниковъ провожаютъ; ребяпишки
за ними вслѣдъ гоняются; а одинъ плу-
тишко зануздаль косаго васильковымъ
вѣночкомъ, гонцемъ передъ колесницею
скачетъ; музыка роговая, голосомъ иг-
раетъ выговариваетъ, похождения Мо-
гучана Царевича воспѣваетъ.

Подвезли олени колесницу жемчуж-
ную подъ крылечко бѣломраморное;
сорокъ сороковъ сполшовъ хруспаль-
ныхъ сведены сводомъ изумруднымъ;

солнце алмазное, вмѣсто люстры, на
цѣпи серебряной, виситъ по срединѣ,
яхонты какъ звѣзды по своду разсы-
паны, луна на закатѣ, господа всякихъ
чиновъ и званій подъ сводомъ шѣмъ
прохаживаются, на качеляхъ свято-
шныхъ качаются; пьютъ, да гуляютъ,
да пѣсенки поѣваютъ, вѣчная имъ
масляница! Облачка подъ шѣмъ сводомъ
искони вѣка не видывали, ненастья не
вѣдаютъ, бури названъ не умываютъ!
Вспрыгнули Царевича дѣвушки приго-
жія, изъ колесницы жемчужной высадили,
цвѣточками закидали, повели въ оби-
пель мира, дали выпить зелья забвенія
суеши: — съ Царевича прошлое какъ
рукой сняло; будто снова на свѣтъ на-
родился; спалъ веселился забавлялъ-
ся, яствами разными наслаждался;
вдругъ видишь, и глазамъ богатырскимъ
не нѣришь, видишь познаешь въ пол-
тѣ бапрака своего, Тришку Боровика;
онъ подъ ручку съ блинницей проха-
живается, въ рукахъ кружка ведерная

съ медомъ, въ зубахъ осеприны кусочекъ, съ коровій носочекъ, подъ мышкою окорокъ цѣльнй. Шила въ мышкѣ не спрячешь; Тришку-Боровика въ поле знашь, какъ пугало въ горохъ! Ты какъ сюда попалъ? спросилъ его Царевичъ. Несказанно обрадовался онъ, увидѣвъ господина своего, и бросился обнимать колѣни его. Гора съ горой не сходились, сказалъ онъ наконецъ опомнившись, а горшокъ съ горникомъ сполкнешся! Разставшись съ Вишиземъ на оспровъ волшебномъ, пошелъ онъ, по повелѣнiю его, искашь себѣ похождения, приключенiя и судьбы; но не нашель; видно несчастливъ выходъ былъ, или не хорошо порогъ перѣспушилъ, или заяцъ дорогу перебѣжалъ, но только не вспрѣчалъ я ни бабы съ пущыми ведрами, ни попа. Иду, иду, говорилъ, вдругъ вижу, спонилъ избушка на куриныхъ ножкахъ. Я слыхивалъ съ мала, опъ бабки, какъ съ нею заговаривашь: избушка, избушка, обернись ко мнѣ

передомъ, къ лѣсу задомъ, спань передо мной, какъ лисъ передъ шравой! Сказаль разъ, и другой, и прешій, — нѣтъ, не ворочается избушка моя! Я взошелъ пакъ, анъ не избушка на куриныхъ ножкахъ, а запросто сказать пипейный домъ. Нечего дѣлать; на грѣхъ лукавѣй наполокнулъ, выпилъ вина полугарнаго крючокъ и пошелъ. Вспрѣчаю проихъ пѣшеходцевъ; съ перваго взгляду узналъ, что ребяща пеплые! Они задають мнѣ загадку: Шло ихъ прое, нашли они пять рублей; семеро пойдушъ, много ли найдущъ? — Разгадаю, находку по поламъ; а нѣтъ, пакъ иппи куда пошлющъ. Я думаль, думаль, безъ счеповъ не сложиль, пришло иппи по посылу. Спой, не шайся, иди, не спопыкайся, гляди, не оглядайся, ври, не завирайся, а согрѣшищъ — покайся! Дали подзапыльника и оппустили на произволь судьбы. Ходиль бы я и пеперь, не спопыкался, если бъ не попалъ сюда; раздумаль я

искашь судьбы, видно живь и умирашь безъ нее; забылъ я про бѣлый свѣтъ, сосватался я, Тришка Боровикъ, съ блинницею Василисою, по прозванію Сыроѣжкойю. . . .

Въ это мгновеніе Царевича поразило что-то необычайное; пѣніе знакомое райскихъ птицъ раздалось, какъ далекій призывный голосъ, и заревомъ прозрачнымъ окруженный ликъ, душѣ его знакомый, возрасшая опть свѣтлой почки до естественной величины и лѣпоты своей, носился передъ нимъ какъ сонъ мечтательный. Онъ споялъ, упоая душою въ созерцаніи сладоспномъ. . . .

Свистъ раздался въ ухахъ Могучана Царевича, онъ узналъ посвистъ богатырскій брата-близнеца, Роголода, Орла сизокрылаго — шагнулъ исполинскою поступью своею и предспалъ на помощь завѣшную. Два богатыря въ борьбѣ изрыли землю пяпами: шишаки сбиты, доспѣховъ бранныхъ, сокрушенныхъ, обломки на правъ; обнаженными рука-

ми напирая другъ на друга, ухватившись они, каждый, за желѣзную грудь прошивника, и лапы измявъ въ пясти пальцахъ прещали. Они спояли недвижимо. Внпязь бросился на помощь брапу, и оцѣпентль: кошорый изъ васъ? — воскликнулъ изумленный, окидывая бѣглымъ взоромъ обоихъ, — бросился въ средину и рознялъ ихъ. Они походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды.

Тройни долго спояли другъ прошивъ друга, не могли собою надивнись, нарадоваться. Рогволодь и Могучанъ шеперь только узнали, что у нихъ былъ шрепый брапъ, кошораго вѣдма чало-глазая, Карга Фоминишна, уронивъ, потеряла, а Русалка Пересвѣша, дочь Кудесника Людохрана Громоваго опвѣда, подняла, вскормила, вспоила и для дѣлъ великихъ наставила и сберегла. Она пролетѣла шеперь надъ пройнями и подала имъ, съ улыбкою, доспѣхи новыя: на шрехъ щипахъ, Славянскою прописью, чеканною золошою насѣчкою, выбишны

были имена, на одномъ: *Рюрикъ*, на другомъ: *Синавъ*, на третьемъ: *Труворъ*. Она же привела къ ногамъ ихъ Посольство богатое; послы пали на колѣна и рекли: земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ; идите владычествуйте и княжите ею, и шворите судъ и правду. — Тройни сложили при руки правыя вкупѣ, и, съ обнаженными главами, призывали Перуна, Славянскаго Бога, который спасъ ихъ отъ гибели, и далъ имъ новое опечесство и Княжество. Аще Богъ съ нами, ни кто же на ны. Чшо нужды въ имени, онъ надъ вами!

Пришедъ въ столицу свою, поклонились они праху вошчимъ и мачихи, по обряду земли своей. Ихъ давно уже не было на свѣтъ. Бѣлоусть перемешная сума, спотыкаясь по милости Царской, разбила себѣ носъ; а шапаясь по всемъ угламъ за поживой, попалъ наконецъ къ мужику на волчій капканъ. Онъ просилъ у Царевичей милости и пощады. Лапши

плешешь, а концовъ хоронишь не умъ-
ешь, сказалъ Рогволодъ; воровашъ какъ
кошка, а прусливъ какъ заяцъ! При-
знайся же, что ты бездельникъ! Къ Богу
не грѣшенъ, Царю не виновашъ,
опвѣчалъ Бѣлоусъ; блаженъ чело-
вѣкъ иже милуешъ и скопы! Его осво-
бодили; но онъ уже спалъ спопыкашъ-
ся по неволь, ибо былъ объ одной ногѣ.
Когда же и этого урока ему было мало,
и онъ, съ честными товарищами, на-
чалъ проказничашъ по прежнему, тогда
Царевичъ собралъ ихъ всѣхъ въ кучу,
посадилъ на ладонь, да другою ударилъ,
шолько мокренько спало! Вѣдьма чало-
глазая Карга Оминишна, по прозванію
рѣдечная шерка, услышавъ о счастли-
вомъ прибытіи Царевичей, хопѣла уда-
витья ошъ злоспи: семь разъ въша-
лась, семь разъ обрывалась; ни одна
веревка ее не сдержала, но и пепля съ
шеи не сымалась; она ходишь и понынѣ
съ семью обрывками на шеѣ! Сова
спали пугашъся ее, щелкали носомъ и

махали крыльями; поросенокъ покинулъ опть спрахъ Филина, верховаго и подручнаго, чеспъ и мѣспо фалешорское, замошалъ хвостникомъ, захрюкалъ и побѣжалъ! Сытъ соскочилъ съ козелъ и полешпль, словомъ, экипажъ куріозный разспроился весь. Прялка Мопалка Валекъ и Трынка Вольника Гудокъ были призваны въ Царспво новое, гдѣ мололи жемчугъ и низали ожерелья, ковали кольца обручальныя на всѣхъ молодыхъ, украшали дѣвицъ русокосыхъ. Тришку Боровика и Василису Сыровѣжку взяли ко двору въ дураки. Брапья Царевичи поженились; взяли по невѣспѣ Славянской; а Могучана сердце-вѣщунъ не обмануло, освобожденная имъ изъ неволи Боярская дочь Милонѣга, роду Княжаго, сдѣлалась его супругою. А свапала за нихъ невѣспѣ Русалка Пересвѣпа, дочь кудесника Людохрана, и дала невѣспамъ всѣмъ премъ приданое несмѣшное; на-примѣръ: сарафанъ узорчашый парче-

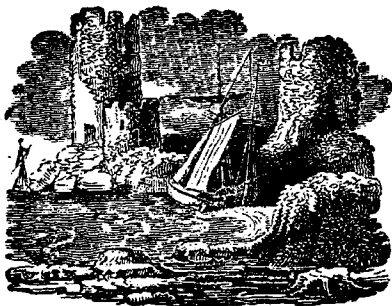
вой, вѣковѣчный, носишься на обѣ стороны, сколько разъ ни выворачивай, иной цвѣтъ, иной покрой, иная кайма съ бахрамой; къ нему шакая же душегрѣя, кокошникъ и весь приборъ. Подарила кукушку съ хохолкомъ; сколько перышковъ въ хохолкѣ, сполько разъ кукукнешь на часъ; а что кукукнешь, по подарить гривною золоша! Ъхашь подъ вѣнецъ, дала уютную паровую Англійскую карешу, съ музыкой и съ пружинами; вмѣсто колесъ, двѣ пары сапоговъ самоходцевъ, безъ дышла, безъ упряжи, по срединѣ скатерть хлѣбосолка, на ней чарка пивоварня; по бокамъ, въ бархатѣ малиновомъ, перья самописчики, шрубы слуховыя, спекла подзорныя, сами уснанавливаются, сами глядятъ, сами вѣспи подають! Могучанъ Царевичъ привезъ невѣспъ своей ожерелье жемчужное, кольцо обручальное; и другіе брашья—Царевичи невѣспъ своихъ на похожденияхъ не забыли.

Три брата Царевичи узнали теперь настоящія имена свои, и приняли ихъ вмѣсто прозвищъ: Рюрикъ, Синавъ и Труворъ. Они приняли Княженіе и раздѣлили Царство между собою; а если хошите, дѣши, знашь да вѣдашь, какъ они жили да поживали, шакъ чшпайше опъ нынѣ повѣспованіе льпописцевъ; — жилъ былъ въ древности глубокой благочесливый инокъ; онъ описалъ дѣянія, жизнь и подвиги Царевичей нашихъ и попомковъ ихъ. Слава усшуншла имъ dospoянiе и имя свое; богашыри наши, въ печеніе времени грядущихъ, ушрашили многосложныя прозванія свои, но попомки ихъ и донынѣ проспо и коропко называющіяся *Славянами*.

А за симъ сказка моя кончается; а опъ сказки, въ льпописяхъ, былъ правдивая, испина свящая начинается. Давно чудовища побшшы споглавья; богашыри не родяшся величавые и кудесники могучіе — ушонули замки пло-

вучіе , погорѣли змѣи лешучіе ! А Царевичи доблеспные нараждаюпся , за власпю , за Царспвами , не гоняюпся , брапья рѣдные , какъ наши выпязи , другъ другу Царспва уступаютъ , по завѣшу предковъ чеспъ и славу раздѣляютъ , судъ и правду подданнымъ учиняютъ ! Пойте , Баяны Соловьи , пойте Царевичей своихъ , въ спруны зланыя ударяйте , славу Славянскую , подвиги доблеспные прославляйте ! Кпо гораздъ и силенъ языкомъ роднымъ и бесъдуешъ съ вѣками прошлыми , завѣщаетъ намъ двѣнадцать полспныхъ книгъ , льпописныхъ , полныхъ правды Русской , краснорѣчія ; иной соловьемъ голосиспымъ щелкаетъ , ппицей райской насвиспываетъ , громомъ по поднебесью раскапывается , пѣсни чудныя слагаетъ о Свѣшланѣ , о Вадимѣ , и поетъ во спанѣ Русскихъ воиновъ ; топъ Руслана и Людмилу воспѣваетъ , и Царя Бориса жипіе слагаетъ — а иной и радъ бы въ рай , да грѣховъ

много; кошь и видишь молоко, да у
коша рыло коропко! Не всемъ въ зла-
шья спруны ударяшь, Баяномъ - соло-
вьемъ насвисываешь, опголосоки накли-
каешь громозвучные — были небылицы
прошлыхъ лѣтъ не поношены пряпицы,
не подъ лавку слѣдъ; ихъ-шо слогомъ
не кудрявымъ, буднишнимъ, рассказалъ
я моимъ дѣпочкамъ — успавили дѣши
свои ушенки, какъ молодые зайченки,
пихо и смирно чипали, сказки моей
не перебивали, за шо она имъ и въ
руки далася, кошкою не перекидыва-
лась, ппашкою не подлешывала, не ля-
галась жеребеночкомъ! Не заснули ль,
мои дѣпочки? —

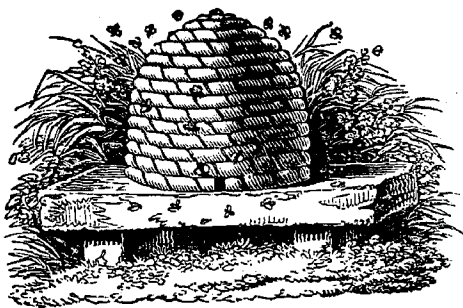

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ.

НОВИНКА - ДИКОВИНКА

ИЛИ

невиданное чудо, неслышанное диво.

Н. ЯЗЫКОВУ,

И ВСѢМЪ СОТОВАРИЦАМЪ НАШИМЪ ПРОФЕС-
СОРСКАГО ИНСТИТУТА ПРИ ДЕРПТСКОМЪ УНИ-
ВЕРСИТЕТѢ.

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ.

НОВИНКА-ДИКОВИНКА

ИЛИ

НЕВИДАННОЕ ЧУДО, НЕСЛЫХАННОЕ ДИВО.

Диво — бѣлый воробей; чудо, — высѣвки въ рѣшетѣ: дыръ много, а выскочить некуда; чудо чудное, диво дивное, черная коровка, да бѣлое молочко! — Но это все чудеса будничныя, общенныя, пошлыя, обвѣщальныя; я вамъ сказку скажу про чудо невиданное, диво не слыханное, сказку новую какъ цуговку, модную

какъ гнупья оглобли, зашѣливую какъ пудель въ шароварахъ, чшо за комедіаншомъ ходишь; а свашъ Демьянъ да кума Соломонида, по присказкѣ прикинушь: — Русская рубаха безъ цвѣпныхъ ласповокъ не живешъ! Сказка моя не долга; сказуешся скоро; сприже-ная дѣвка косы заплесни не успѣешъ!

Не подбивайшеса подъ нашего брата, грамошѣи велемудрые, соглядатаи, мышари, оцѣнщики, браковщики, орѣхогрызы неупомимые! Гладки взяшки съ насъ, какъ съ козла, ни шерспи, ни молока! Не насупливайше бровей, какъ нагорѣлыя свѣчи, не глядише на меня комомъ, глядише россъшью, не молвыше поропомъ, молвыше исподоволь! Не шумише, не учише всѣ въ одинъ голосъ, у семи нянекъ дитя безъ глазу — а горланишь хопише, спупайше по лѣсу облавою. — Скажеше: долга сказка? Свашъ Демьянъ говоришь: долга спѣна Кишайская! Скажеше: коропка? Кѣропокъ воробьиный носъ! Скажеше: непригожъ? Была пригожа, да

вы же сглазили! А спанете разбирашь по своимъ по примѣшамъ, причудамъ, повѣрьямъ — шакъ онъ вамъ скажетъ: полкуй Фешивья Савишна про бошвинью давшню! Пришелъ не званъ, подиже не гнанъ; не швоимъ перомъ писано, не швоей указкой склады перебирашь; не спой надо мной, какъ чорпгъ надъ душой; мыль свою бороду, чеши свою голову, ходи въ баню по Суббшамъ — а когда ѣшь нечего, не криви душой, поди подъ окно, я же подамъ и кума подаспгъ, да и спупай домой, сказки моей не суди, не осуживай — я безъ долговъ, шы безшолковъ — пѣшій конному не шоварищъ! Гряди съ миромъ со своимъ клиромъ, я свою семью и самъ прокормлю.

Чудны дѣла швои Господи! завопила кума Соломонида на поминкахъ, кошорья по обычаю правили мы 40 дней по смерпи одного Волжскаго 90 лѣшняго казака, слывшаго знахаремъ, шакъ чпо въ смерпный часъ надлежало, по

собспвенному завѣщанію его, оподрашь
при доски изъ поцолка, надъ смерш-
нымъ одромъ его, иначе мученіямъ его
не было бы конца; — чудны дѣла швои
Господи, дивно попшворспвуешь врагу
швоему, попускаешь замыслы его нече-
спивые! Сказашь ли вамъ, мои корми-
лицы, опъ чего покойникъ Федосей спалъ
знахаремъ? На канунъ воробьиной ночи, (*)
продолжала она, ушерши губы, собира-
лась, какъ и всегда въ эпошъ вечеръ, бу-
ря; еще все было шихо; вдругъ вихоръ
ошколь ни возмись, поднялъ пылъ и по-
гналъ ее по селу, по улицъ, сполбомъ;
закрупились, завершѣлись былинки,
какъ бѣсы шмы окромъшной — и за-
вылъ въперъ низовой и погналъ гу-
шпой сполбъ прошивъ хода шучь. Тупъ
случись, родимые мои, сосѣдней дерев-
ни, нашего приходу, не шѣмъ будь по-
мянушъ, спарикъ, и забыла какъ про-
зывался, упокой Господь душеньку его,

(*) Осеннее равноденствіе.

прими земля коспочки его, онъ уже
льшь пому 50 сосланъ, сказываюшъ,
не по казненъ, случись онъ шупъ, на
бѣду, и наспрой мальчишку: бѣги, го-
воришъ, догоняй сполбъ, эшо вѣдьма
вѣнчаешся, да кинь ножъ въ самую се-
редину, чшобы концемъ спалъ, какъ
свайка, въ землю! Малый чшо разу-
мѣешь? дѣшское дѣло глупое; сказано,
сдѣлано! Ножъ-эшъ подняли ребяпа, кон-
чикъ въ крови, а вихоръ въ шу ночь
всѣ до одной кровли въ селѣ пораскры-
валъ! Народъ всполошился, за судъ да
за расправу; а машь ребенка шого и
докажи на спарика: онъ — де нечиспую
силу прогнѣвилъ, онъ научилъ, вечеръ,
какъ вѣдьма вѣнчалась, по ней но-
жемъ пуснишъ! Спарика шого священ-
никъ опрѣшилъ опъ свяшой прапезы,
не допусшилъ къ причаспю, наложилъ
на него эшипимю, а онъ, на другое
льшо, изомспилъ бабѣ за эшо: народъ
весь былъ въ полѣ, онъ заберись къ
ней въ избу, поднѣлъ подѣ кушникомъ, гдѣ

она съ мужемъ сыпала, половицу, да и схоронилъ шуда эпопъ ножъ окаянный. Никшо о помъ и не вѣдалъ; а у бабы первая дочь родилась — вѣдьма! Свапья и кума и бабка видѣли, чпо ребенокъ съ хвоспомъ родился, а хвоспъ наспоаящій мышинный, проспи Господи согрѣшеніе мое! Когда же дѣвка эпа выросла, пакъ ослѣпила навожденіемъ парня, нашего криваго Луки дѣда, покойника Федосея, вопъ чпо схоронили о Пешпровкахъ да нынѣ поминаемъ — услыши Господи молишвы наши грѣшныя, не изрыгай земля праха его! — онъ шо взялъ ее за себя, да и самъ шакому же добру опъ нее научился! Вопъ, опцы родимые, кормилицы мои, какимъ случаемъ покойникъ нашъ Федосей, не шѣмъ будь помянушъ, спалъ знахаремъ!

На покойника была правда не разъ поклепа, за худыя дѣла и впрочія художества, подхвапиль кумъ Ивличъ, да все напраслна! Онъ, лѣпъ шому будепъ 60, благое дѣло сдѣлалъ. Тогда

у насъ, спарики помнящъ, былъ моръ, и на людей и на скопину. Дѣдъ мой, не послушавшись ни спараго, ни малаго, а разума своего шемнаго, мужичьяго, вышелъ въ поле на работу, въ такой праздникъ свяшой, въ кошорый и шица, гнѣзда не вьешъ — въ самое Благовѣщеніе! Съ нимъ было башпраковъ человекъ пяпнадцатъ; вдругъ надъ ними небо шучами зашмилось и налешѣла, зашумѣла крыльями, чума. Дѣдъ сказывалъ, что самъ ее видѣлъ: сама какъ ушка, голова и хвосшъ змѣиный! Кшо успѣлъ молишву сошворишь, шогѣ Господъ помиловалъ — кшо нѣшъ — шущъ же душу опдалъ! Моровая язва эша хвосшъ уронила здѣсь, а сама пошянулась прошивъ солнышка — и до самаго шного мѣспа, гдѣ положила голову свою змѣиную, и народъ и скопъ, все вымерло! Тогда нашъ спарикъ, покойникъ Оедосей, криваго Луки дѣдъ, зная всякое слово и опъ чего какое слово годишся, и всякое зелье и снадобье, на-

шепывалъ подь печью, надь черепкомъ, и ножъ шопъ, копорымъ поранили вѣдму подь вѣнцомъ, выкопалъ изъ подполья, понесъ ночью и кинулъ на распушьи, гдѣ прилегла моровая язва головою — и шакимъ дѣломъ онъ избавилъ народъ и скопъ опъ всякой дальней гибели и опъ порчи!

Въ шѣ поры, подхвашилъ свашъ Демьянъ, сказывали, что чума ходилъ ночью; бабы вѣдму подслушали подь заборомъ, да и сказали мнѣ, что очередь пришла моей избѣ. Я зажегъ елей подь кивопомъ, самъ легъ на прилавку, да положилъ подь боку шопоръ и шашку. Около полуночи поднялся вихоръ, и вдругъ дверь сама опшерлась! Я шихомолкомъ за шопоръ: глядь — шопоръ безъ шопорища! а я наканунъ насадилъ его самъ, да еще и на кленовое, суковашное! Погоди, подумалъ я, меня, спараго воробья, и на мякинъ не проведешь! Я ухвалилъ шашку — а шашкой эшой Запорожской казакъ, въ семисо-

пыхъ годахъ, шридцати-шремъ некрещенымъ Туркамъ головы рубилъ! Рябая собака, сука, выла, выла подь окномъ, да вдругъ и вбѣжала въ избу. Я шопоръ въ ноги ей, она на него заглядѣлась, а я какъ свисну, съ прилавки, по ней шашкою, шакъ переднюю лапу ей и опрубилъ, какъ кочерыжку! На другой день, на краю села, выпацили спаруху изъ за печи: одна рука опрублена!

Всѣ креспились опъ ужаса, и никому не пришло на умъ сказаць свапу Демьяну шо, чшо я ему молвилъ на ухо: плушъ шы плушъ, свапъ, гдѣ врали и шы шушъ! Ври, не завирайся, а назадъ оглядывайся — ври сегодня, покидай и на завпра! Когда дѣдъ кума Ивлича согрѣшилъ неумѣспнымъ шрудолюбіемъ своимъ, а покойный знахарь Федосей чуму уморилъ, шогда опецъ швой еще кромъ соска бды не зналъ; а ужъ шы крупно и лихо съ вѣдьмами рубился! Молодецъ! Но мы съ нимъ смигнулись, и я его не выдамъ! Рука руку моешъ.

Въ тѣ поры, примолвилъ слѣпой спарикъ на полахъ, спрашала народъ, что свѣшу ковецъ, и скоро преспавленіе будешъ; — да Господь помиловалъ!

Не вѣдаешъ народъ, о чемъ шолкуешъ опшусни имъ Господи грѣхи ихъ, сказалъ шаровѣрческаго монашья опшельникъ, кошорый попалъ на призну нашу, какъ кошъ подъ лавку: онъ мимоходомъ слышалъ духъ постнаго спола нашего, шерляжей ушицы! А придетъ скоро время, продолжалъ онъ — будешъ моръ, голодъ, война; будшъ младенцы сосашъ груди маперей своихъ, шруповъ; — будешъ народъ лыки жевашъ, вмѣсно хлѣба насущнаго, пойдушъ всѣ Цари Хриспіанскіе, всѣ земли крещенья, войною на невѣрныхъ, будшъ воевашъ Царь-градъ и Іерусалимъ, Іерусалимъ бо ешъ пущъ земли, и возмущъ его и заспорашъ между собою зѣло, кшо своимъ войскомъ завоевалъ свяпую землю и кому надлежитъ чешъ и слава, и завраждуюшъ вельми между собою.

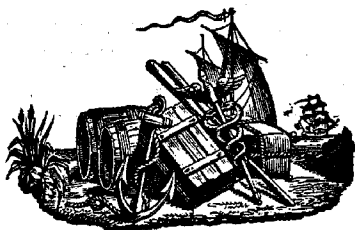
Тогда явишя сущій Антихристъ, ожидаемый Евреями пророкъ, вызовешя Царей Христіанскихъ миршъ и будешъ показывашъ лживыя чудеса: Евреи первые ему поклоняшя; попомъ всѣ иновѣрцы, одинъ по одному, и будешъ онъ класъ имъ клейма, на чело и на рамо десное — эшимъ будешъ и хорошо и привольно и сышно; а прочимъ будешъ худо, будущъ шерпъшъ нужду и голодь необычайныя, будущъ шерпъшъ всякія поруганія, будешъ ихъ Антихристъ мучишъ и испязашъ. Последніе, вѣрные своему служенію, пребудушъ Спаровѣры, непокорныя, спрошпивыя, швердо вѣрующіе. Антихристъ будешъ ихъ сгоняшъ всѣхъ въ ямы, засыпашъ соломою, жечь и допрашивашъ: Обращающя ли они? Кшо эшу пышку перенесешъ, будешъ свяшъ, какъ угодникъ Миръ-Ликійскихъ. Теперь низойдушъ на землю Илья Пророкъ и Іоаннъ Злапоушъ, взяшыя за-живо на небо, копорыхъ Господь пасешъ на эпошъ

часъ, ибо имъ, какъ живымъ, надлежишь
возвратиться еще на землю, — и бу-
дущъ они изобличашь Ансихриспа въ
неправдѣ, въ изувѣрствѣ, въ самозван-
ствѣ, въ беззаконіи; изобличивъ его въ
при дня, опрубяшъ ему голову; кровь
его прольется въ при ручья на землю,
земля опъ нее займется, загорится,
будешь горѣшь, горѣшь, покуда не вы-
горитъ вся, со всеми швореніями, со-
зданіями, быліями и каменными горами
— и свѣшу конецъ! Вопъ насъ, Спаро-
вѣровъ, что ожидаетъ! примолвилъ онъ
со вздохомъ глубокимъ. А праведнымъ
ошпанется пошъ только изъ насъ,
кто выперитъ всѣ муки и пытки и
пребудетъ вѣренъ и непоколебимъ!

Такъ шы однимъ Спаровѣрамъ су-
лишь вѣчнаго блажества? спросилъ
мой Демьянъ; не хорошо, опецъ, дѣ-
лаешь; учись у насъ: мы, на Волгѣ,
шперляжей ушницей всякаго кормимъ;
и православныхъ, и вашего брата, слу-
чается и Тапаринъ Астраханскій шабунъ

на ярмарку Коренную гонитъ, да забредешъ, и Нѣмецъ, Сарептянинъ, приворачиваетъ — Волга широкая рѣка, Волга разгульная рѣка — эпо госпинница Господня — орошаетъ, безъ одной, десятъ губерній Русскихъ, спойтъ на ней 40 городовъ, а селамъ, деревнямъ, шакъ и счешу не дашь — всѣхъ поитъ, всѣхъ кормитъ! Преспавленіе свѣта швое, опецъ, не чудо; нынѣ эпо и малой и великой знаетъ, что рано ль, поздно ль, а эпого не миновашъ — диво бѣлый воробей, чудеса въ рѣшетъ, дыръ много, а выскочитъ не куда; чудо чудомъ, диво дивомъ, черная коровка, да бѣлое молочко; да и эпо все чудеса буднишнія обошешныя, пошлыя — обвѣщальныя; я вамъ сказку скажу про новинку-диковинку, про несмыханное чудо, невиданное диво, сказку, новую какъ пуговку, модную, какъ гнушныя оглобли, запѣйливую, какъ шавка въ шароварахъ, что за комедіантомъ ходитъ! — Да уговоръ дороже денегъ — кто сказку мою перебѣетъ,

за пѣмъ счишаю пѣшакъ; кто усомнился въ истинѣ неслыханнаго чуда, невиданнаго дива, да не повѣришь сказкъ моей, за пѣмъ два! Слушайте!

Въ нѣкошоромъ царствѣ, за придевяшь земель въ Загишпанскомъ государствѣ, жилъ проживаль и обрѣшался купецъ, по имени Макафлоръ. Онъ былъ богатъ златомъ заморскимъ и серебромъ, какъ Донской казакъ послѣ поживы; шоровашь, какъ блаженныя памяти Царица, и красовалися черпоги его шпалерами золочеными, сводами расписными, карпинами живописными

въ маховую сажень, и ушварью лучшаго издѣлія заморскаго, какъ въ Москвѣ хоромы Пашкова — словомъ, чего хочешь, того просишь, развѣ только одного пшичьяго молока не доспавало! Но честной господинъ, купецъ Макафлоръ, вспосковался однажды, на одиночество свое глядя, и подумаль про себя такъ: сосѣди мои женяпся, сосѣди родяпся, сосѣди умираюпъ — одинъ я какъ Сивка-бурка вѣчная каурка, живу, живу, а легче нѣпъ! Родипся дважды нельзя въ нашемъ царствѣ, умирапъ — не охота, дай ожепюсь! И не медля ни мало заслалъ онъ свахъ задорныхъ, Камиллу Киргизовну, Спепохлесту Перехваповну, да еще препню, шакую же, къ одному чужеземному госпу, у котораго съ прошедшей весны расцвѣла и славилась красою дочь, по имени Макарона; а какъ опца ея, онаго госпя, звали Перероемъ, то у насъ бы и совѣспъ не зазрѣла называпъ прекрасную невѣспу, что нынѣ въ супругахъ, Ма-

кароною Перероевною; но какъ въ шѣхъ
весьма опдаленныхъ, опъ насъ запад-
ныхъ Загишпанскихъ спранахъ, благо-
обычая шакого, по невѣдѣнню, не дер-
жались, шо — кума Соломонида вспле-
снула руками и ахнула опъ ужаса! Не
называшъ дѣшей по опцу! И подлинно
эпо неслыханное свяпошашспво! Но
свашъ Демьянъ утѣшилъ и успокоилъ
ее, повпоривъ, что сіе дѣмалось у нихъ
по невѣдѣнню, — просни имъ Господи
согрѣшенія ихъ, не вѣдаюшъ бо, что
шворяшъ, сказалъ инокъ — и упокой
душеньку ихъ, примолвила Соломонида,
и прими земля коспочки ихъ — — шо и
называли ее запросшо Макароною, до-
кончилъ наконецъ свашъ Демьянъ. Опець
прекрасной эпой дѣвицы, иноземный
госпъ Перерой, держалъ свахамъ купца
Макафлора шакой опвѣшъ: Милоспи-
вья Государыни мой! Хошя дѣйспви-
шельно чеспной купецъ Макафлоръ во
всѣхъ опношеніяхъ доспоинъ еспъ руки
дочери моей возлюбленной, прекрасной

дѣвицы Макароны и пора пришла приискивать ей жениха, а мнѣ зяпя, но какъ она объявила, что слѣдую внутреню одного пророческаго сна, не иначе пойдеть за мушину, какъ если онъ обяжешся доспавишь ей новинку и диковинку, до которыхъ она искони спрашная охотница, по и предспоиншь нынѣ чеспному и доспопочшенному искашелю ея, разрѣшишь сіе запрудненіе; тогда я съ своей стороны дамъ немедленно опцовское благословеніе свое и приглашу госпей чеспнымъ пиркомъ да на свадебку!

Макафоръ шакому опвѣшу весьма изумился. Онъ по ночамъ не ѣдалъ, по днямъ не спалъ, все шолько думалъ да угадывалъ, какою новинкою-диковинкою ему бы услужишь будущей нареченной своей? Тогда подошелъ къ нему вѣрнѣй спущникъ его на морь и на сушѣ, въ порговыхъ оборошахъ, въ дѣлахъ и въ бѣдахъ, Мирошка дурачекъ, и, начавъ жалобно вышь собакою, объявилъ возне-

годовавшему на по купцу рѣшишельно, что переспанеть вышь собакою не прежде, какъ когда узнаешь причину горести его. Макафлоръ наконецъ разсмѣялся и подѣлился съ нимъ кручиною своею. Твои бабы, сказалъ тогда Мирошка дурачекъ, воду пьюшь, въ водѣ полощашся — эшо гуси; пошли меня на свашовство, хозяинъ, я шебѣ невѣспу Перероевну высвапаю, что собака купцу зайцу хвоста оборвашь не поспѣешь! И когда хозяинъ далъ на по согласіе свое, и Мирошка дурачекъ, объявивъ, что принесъ залогъ на новинку-диковинку, былъ допущенъ къ прекрасной дѣвицѣ Макаронъ, по, подавъ ей кольцо обручальное опгъ имени хозяина своего, принялъ онъ слово и рекъ шакъ: Многопрекрасная и всепобѣдоносная дѣвица Макарона, дочь всюдуславнаго и злапосіяшельнаго негощанпа Перероя! Будущая повелишельница наша! Не гнѣвайся на меня пресмыкающагося, дерзнувшего возне-

спи зеницы очесъ своихъ на шебя — глядишь бо и копъ на Царя — а я пришель къ шебъ съ дѣломъ немаловажнымъ: я принесъ шебъ вѣрный залогъ для полученія опъ хозяина моего, а швоего нареченнаго, новинки и диковинки, до которыхъ шы споль лакома; если примешь залогъ сей, шо новинка и диковинка швоихъ рукъ не минуюшь; ибо новинка будетъ заключапья для шебл въ новомъ супружескомъ санѣ швоемъ, а диковинкою будетъ шо, чшо вамъ Господь пошлетъ живыхъ ребяшишекъ по подобію и образу своему и швоему и опца-супруга созданныхъ; развѣ эшо не диковинка? Вошь истинное значеніе пророческаго сна швоего, коего шѣмный и глубокій смыслъ оспавался для шебя недоспупнымъ!

Эшо понравилось дѣвицѣ Макаронѣ чрезвычайно, не прошло недѣли, какъ пѣсенники, балалайка, бубны и рожокъ гремѣли цѣлую ночь на пролетѣ во дворѣ иноземнаго госпя Перероя; эшо была свадь-

ба дочери его Макароны съ купцомъ Макафлоромъ. — Но время не ждетъ ни пьянаго, ни горбапаго, не длишь часовъ радости и веселія, не сокращаетъ годинъ напастн и горестн. Осень и зима пролетѣли, настаетъ весна, и молодымъ нашимъ пора распаваться, купцу Макафлору пора грузить корабли и отправляться за море. И кто это выдумалъ, пропадай онъ, чтобы молодымъ супругамъ весной распаваться! Весной, когда права какъ мошокъ пробивается, жаворонки и ласточки слетаются и веселыми воркуютъ!

Нагрузивъ корабль богатыми поварями, спросилъ Макафлоръ супругу свою, прекрасную Макарону, что она прикажетъ привезти себѣ изъ за моря, какого гостинца желаетъ? У насъ, отвѣчала она, благодаря Подашеля, всего вдоволь и по уши, и ни какимъ гостинцемъ не можешь ты мнѣ угодить, какъ только если пошлешь спарую при-

хопъ мою, кошпору ю имѣла я еще, когда была въ дѣвкахъ; я охопница до новинокъ и диковинокъ, привези пы мнѣ, муженекъ мой соколъ, изъ за моря, новинку - диковинку, *невиданное чудо, неслыханное диво!* Супругъ поцѣловалъ ее въ чело высокое, въ уша сахарныя и въ перси бѣлоснѣжныя, и приказалъ ей пребыть ему вѣрной; а самъ сѣлъ на корабль свой и пустился въ бурливое море. Не намъ за нимъ дни и часы счищать, не намъ по морю пущь его, колею зыбкую, измѣрять — ее давнымъ давно волнами смыло и загладило; довольно того, что прибывъ въ городъ небывалый, а въ сказкѣ именуемый невѣдомымъ, не узналъ на дѣль того, что накладъ съ барышемъ, какъ купцы говорятъ, дворъ обо дворъ споятъ и на однѣхъ саняхъ ѣздятъ, ибо распродалъ весь шоваръ свой весьма съ великою выгодною, нагрузилъ снова корабль свой разнымъ шоваромъ заморскимъ, и спалъ доискивашься шеперь невидан-

наго чуда, неслыханнаго дива, въ госпинецъ супруги своей. Это, правда, споишь шого, чпо поймашь мѣсяць за рога! Но какъ показашься на глаза возлюбленной супругѣ своей, прекрасной Макаронѣ, безъ госпинца? Но Мирошка дуракъ оняпъ выкупилъ его. Прогуливаясь по городу, подошелъ онъ однажды къ толпѣ народа, споявшей около вновь опспроеннаго храма съ колокольнею немовѣрной вышины. Одинъ изъ толпы сказалъ: Куда, шеремъ-эпъ, хипро сгороженъ! Не шо, хипро сгороженъ, подхвашилъ другой, да какъ креспъ вколочень? Какъ вколочень? — спросилъ Мирошка дуракъ — а нагнули, да и вошкнули! У народа, какъ гдѣ въ кучу собьешся, горло хопъ и одно, да преширокое; заревешъ, шакъ ревма; захохочешъ, шакъ бока надсадишь; полюбилъ народъ Мирошку дурака за глупые шолки его, и выискался какой-шо проказникъ, пролазъ, чпо спознался и побрапался съ нимъ и повель его въ харчевню для корабель-

щиковъ иноснранныхъ, по обычаю земли пой, на общій счетъ гуляшь. Здѣсь Мирошка дурачекъ, и кпо живой съ нимъ былъ, подгуляли и давай всякъ своимъ добромъ хвалишься. У меня, сказалъ молодой мѣщанинъ, охорашиваясь, молодая, пригожая и вѣрная жена есть! Эпо чпо за диво, примолвилъ Мирошка, и мы съ бариномъ покинули дома шакую же! У меня, сказалъ другой, пшица есть, чпо весь божій день разговариваетъ, со всѣми болшаешь, безъ умолку безъ опдыху! — У насъ ихъ до чорна, опвѣчалъ Мирошка, полько вся и разница, чпо швоя въ перьяхъ ходишь, а наши въ юбкахъ! — У меня, сказалъ какой-то шрепій проиодоха, есть вещь удивительная: невиданное диво, неслыханное чудо! Держи ухо ошпро, подумалъ Мирошка, нашей шони севрюга плывеешь! — Видише ль, ребяпа, гуся на дворъ? продолжалъ разскащикъ. — Видимъ. — Гусь, поди сюда! Гусь пришелъ. — Гусь, ложись на скowo-

роду!— Гусь легъ.— Тогда онъ поспавилъ сковороду съ гусемъ въ печь, и, зажаривъ его, подалъ на споль и просилъ всѣхъ госпей поѣспь съ нимъ жаренаго гуся, но коспей не кидашъ, по нашему, подъ споль, а складывашъ въ кучу на споль. И когда они шого гуся събли до коспочекъ, шо незнакомецъ, собравъ коспи, завернулъ ихъ въ скапершъ, бросилъ на полъ и молвилъ: гусь, вспряхнись, и поди на дворъ! Гусь вспряхнулся и пошелъ!— Подлинно, чшо эпо новинка и диковинка, чудо невиданное, диво неслыханное! — сказалъ Макафлоръ. Не велика штука, да моповаша, подхватилъ Мирошка — и кшо живой съ нимъ былъ, единогласно подпвердили шоже. Макафлоръ припорговалъ и купилъ за великія деньги шого гуся, прибылъ благополучно на родину свою, обლობызалъ жену, прекрасную Макарону, и предспавилъ ей госпинець. Она радовалась безконечно возвращенію любимца души

своей и супруга, рассказывала, какъ про-
сиживала, въ опсуптешвїи его, ночи, и
горько плакала по немъ, а шеперь пѣ-
шилаь несказанно подаркомъ и гостини-
цемъ сожишеля своего. Въ одинъ день,
когда купецъ Макафлоръ пошелъ, по
обыкновенію своему, ходишь по дѣламъ
и шорговымъ оборопамъ, находился у
жены его одинъ молодой и прекрасный,
шой спраны, изъ рядовъ сидѣлецъ, на-
вѣщавшій инегда подругу юноспи сво-
ей, прекрасную Макарону, охопницу до
новинокъ и диковинокъ. Она вздумала
поподчивашъ его между прочимъ ново-
привезеннымъ заморскимъ жаркимъ и
позвала гуся со двора въ избу. Гусь при-
шелъ. Гусь, ложись на сковороду! но
гусь не слушался ея и не ложился на
сковороду, а тагакалъ во все гусиное
горло. Тогда купчиха Макарона, разсер-
дясь, ударила его сковородникомъ и уви-
дѣла — чудо невиданное, диво неслыхан-
ное! Сковородникъ приспалъ однимъ
концемъ къ гусю, а другимъ къ купчи-

хъ, и она не могла опорвать руки. Въ испугъ позвала она на помощь госпя своего, но — бѣда не по лѣсу ходишь, а по людямъ; бѣда никогда не живешь одна, а бѣда бѣду накликаешь, какъ крикуша упокъ — и госпъ, какъ ухватился полько за сковородникъ, прильнулъ къ нему какъ клещъ за уши; всѣ усилія ихъ, всѣ попышки были щепны, и гусь, это осьмое чудо, привелъ чешу, прекрасную Макарону и сидѣльца ея милаго дружка, на сковородникъ, какъ пару гончихъ на своръ, къ хозяину, купцу Макафлору! Прикащики, бросившіеся разнимають колодниковъ, всѣ шакже прильнули къ сковороднику, какъ приросли, и свалка началась бы преужасная, если бы самъ купецъ не подоспѣлъ, и, разнявъ ихъ, не послалъ бы послушнаго гуся домой. Теперь увидѣлъ честной купецъ Макафлоръ новинку-диковинку любимую жены своей, а она, когда мужъ взялъ ее въ руки и спалъ учить да проучивать порядкомъ, не разъ слыхи-

вала опть него слова: вопть шебъ невиданное чудо, неслыханное диво! копорые онъ всегда при эпомъ случаѣ приговариваль.

А я, Демьянъ, да свашъ мой Луганской, изъ за придевашъ земель въ Загишпанское государство глядя, смѣкнули шакъ: У кого новинка-диковинка еспъ домо-рощенная, шопть за чудесами заморскими не гоняйся; счишай звѣзды, а гляди въ ноги, да води усами во все чешыре спороны; не шопть писарь, чшо хорошо пишешъ, а шопть, чшо хорошо подчищашъ! — Женъ вѣрь покуда подль боку, жена безъ мужа и вдовы хуже, а за море поѣхаль, шакъ домашнее прогуляль и поминай какъ звали!

Эшо сказано для чесшнаго господина купца Макафлора; а о купчихъ скажемъ, чшо она, безъ новой новинки-диковинки вѣка не проживешъ. Женской спыдъ—до порога; переспушила, шакъ и забыла! Вора хопъ золопомъ засышь, шакъ ему некраденый

кусокъ приѣспся скоро; поваженный, что наряженный — красна пава перьями, а добрая жена мужемъ; красна дѣвка до замужспва, а женился — глядь — какъ на льду обломился! Жена не лапошь, обносивши не скинешь, либо гляди самъ глазами, либо свахъ засымай пораспро-ропнѣе, посмѣшливѣе, понадежнѣе Мирошки! жаль кулака, а ударишь было дурака, за то, что высвапналъ не впопадъ невѣспу Перероевну! Онъ всему причиной, Мирошка дуракъ, да и дѣло въ плять!

Вошь вамъ и сказка про новинку-диковинку, чудо невиданное, диво неслыханное! Сказка новая какъ пуговка, модная какъ гнушья оглобли, запѣйливая, какъ шавка въ шароварахъ! Что швое преспавление свѣта, опецъ, что ваши вѣдьмы и домовые! Подноси-ка, кумъ Ивличь, подноси, за упокой Федосея, вишь кума Соломонида боппся, чтообы не вспалъ! Подноси еще, Ивличь,

знай подноси — пакъ ужъ, вспанешъ
ли, нѣтъ ли Федосей покойникъ, а мы
съ шобою — врядъ ли вспанемъ!

СКАЗКА ПЯТАЯ,

*о похожденияхъ чорта - послушника,
Сидора Поликарповича, на морь и на
сушь, о неудачныхъ соблазнительныхъ
попыткахъ его, и объ окончательной
пристройкѣ его, по части письменной.*

ОДНОКАШНИКАМЪ МОИМЪ
ПАВЛУ МИХАЙЛОВИЧУ
НОВОСИЛЬСКОМУ
И
НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ
СИНИЦЫНУ.

СКАЗКА ПЯТАЯ,

О ПОХОЖДЕНИЯХЪ ЧОРТА-ПОСЛУШНИКА, СИ-
ДОРА ПОЛИКАРПОВИЧА, НА МОРЬ И НА СУШЬ,
О НЕУДАЧНЫХЪ СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫХЪ ПОПЫ-
ШКАХЪ ЕГО, И ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПРИ-
СТРОЙКЪ ЕГО, ПО ЧАСТИ ПИСЬМЕННОЙ.

Идесть рыба на блевку, идесть и на
блесну — кшо наѣлся былей сыпныхъ,
припорныхъ, пошь поди, для празд-
ника, перекуси неблицей пощей, да
пряною, рѣдкой, лукомъ, спручкова-
тымъ перцемъ приправленною! Истина
нахальна и безстыдна; ходишь, какъ

мапъ на свѣптъ родила; въ наше время какъ-по срамно съ нею и брашашься. Правда — собака цѣпная; ей шолько въ конуръ лежашь, а спуспи, шакъ уцѣпшися, хопъ за кого! Быль — кляча норовиспая; эпо кряжъ — мужикъ; она, и рѣдко шагаешь, да швердо спупаешь, а гдѣ спанешь, шакъ упрепся, какъ корни пуспишъ! Припча — дѣло любезное! Она неряхою не ходишъ, разинею не прикидываешся, не приспаешъ какъ ножемъ къ горлу; она, въ праздникъ, выйдепъ, снарядившися, за ворота, сядешъ опгъ бездѣля на заваленку — кланяешся прохожему всякому смѣло и привѣпливо — кпо охочъ и гораздъ, узнавай окрупника; кому не до него — проходи, какъ мимо кружки, будпо не видишъ, чпо люди по пяпаку кидаютъ! Вольному воля, а спасеному рай; а чужая совѣспъ — могила; за каждой мухой не угопяешся съ обухомъ, и мой окрупникъ за побою не погопишся!

Въ Олонецкой Губерніи, сказывающъ, много камня дикаго и много болоша мокраго — шамъ вышелъ однажды мужикъ попахашъ. Пуспилъ онъ соху по низовью, подъ скапомъ, шакъ попалъ было въ шопъ шакую, чпо насилу выльзь; выдрался съ сохой онъ на горку, шакъ напоролъ и вызубрилъ сошникъ о бульжникъ неповоропливій; а когда догадался поискашъ суходолья, шакъ вспахалъ его и засьялъ. Эпо не сказка, а присказка, а сказка будеть впереди!

Сапана, не самый спаршій, всегда лично въ первопреспольномъ градъ своемъ царспвующій, а одинъ изъ приспшниковъ и нахльбниковъ его, одинъ изъ чершей послушниковъ, праздновалъ именины свои; а звали шого чорша Сидоромъ, и Сидоромъ Поликарповичемъ. На пирушкъ эпой было народу много, всъ веселились чесшно и добропорядочно; плясали пляски народныя и общеспвенныя, не какъ у насъ, на ногахъ, а скромно и чинно, на головъ;

играли въ каршы и выѣзжали всѣ на поддѣльныхъ очкахъ; расплачивались, по курсу, фальшивыми ассигнаціями, самой новой, прочной, Англійской работы, неуступающей доброшою наспоющимъ; но все это дѣлалось, говорю, мирно и ужипочно. Вдругъ входитъ человекъ, въ изодранномъ форменномъ серпучишкѣ — кто говорилъ, что это Хорунжій, опспавленный при раза за пьянство и буянство; кто говорилъ, что это небольшой класный чиновникъ; а кто увѣрялъ, что это опспавной Клеркъ, Унперъ-башалеръ, а можетъ быть и Подихиперъ. Не успѣлъ онъ починить собранія присупспвиемъ своимъ, какъ въ шопъ же мигъ ввязался въ шашни миролюбивыхъ посѣпипелей, и не опкладывая дѣла и расправы, ударилъ на нихъ въ кулаки. Люблю молодца за обычай! Да и не дѣшей же съ ними крестипъ спашъ! Чорпъ — пмянникъ, какъ хозяинъ, сунулся было разнимашъ, но какъ, опъ перваго Рус-

скаго леща, у него въ ушахъ раздался презвонъ въ семь колоколовъ съ перезвономъ, на языкѣ и горько и кисло спало, а изъ глазъ искры посыпались градомъ, такъ онъ присѣлъ и присмирѣлъ. Госпи расползлись по домамъ, по вершепамъ своимъ, и храбрый вопшеть и побѣдшеть нашъ оспался пировать одинъ, какъ шеперевъ на поку.

Дуракъ шы, сказалъ наспошеть, сапана-спароспа, Сидору, когда эпошъ пришелъ къ нему плакаться на бѣду свою, дуракъ круглый и шрусъ, и худой, какъ я вижу, намъ слуга, когда жалѣешь для службы нашей шкуры своей и пары другой зубовъ! Тебя, вижу я, надобно въ черномъ шѣлѣ держашъ! шы бы обрадовался находкѣ да послѣдилъ ее; я давно вамъ, неизворопшнымъ, сказывалъ, что мнѣ чиновные озорники и проидохи почетные нужны, чтообы вы ихъ сманивали да зазывали, а вы, знай ходите поджавши хвосшы, какъ смиренники! Вы у меня

какъ-то всѣ опъ рукъ опбились: погоди, я васъ пригну къ ногшю! Изволь шы у меня опсправисься на землю, извъдашь на дѣль сушь и глубь и бышь гражданскій и военный, и взяшь осьдлосшь шамъ, гдѣ для обороповъ нашихъ окажется повыгоднѣе; да прошу, безъ всякихъ опговорокъ, служись, какъ люди служашь, не для поживы и личныхъ выгодъ, а для блага и пользы общей нашей, не щадя ни живоша ни крови.

Сидоръ Поликарповичъ выльзь изъ преисподней, спалъ ногами на швердую землю, и оглядывался кругомъ на проспоръ: съ него еще паръ валилъ, какъ съ Московскаго баньщика, и онъ все еще не сбиль оскомину послѣ вчерашней переквашеной Русской закуски; а сверхъ пого сплечился не много, въ задней левой ногъ, когда выбирался изъ пропасши преисподней, а попому прихрамываль и съль опдохнушь.

Плюхое жисье наше, подумаль онъ про себя; съ шѣхъ поръ, какъ нашего

братъ съ неба спехнули, всѣ обижаютъ; всякой ярыга дулю подносишь и по ушамъ хлещешь! Свались только ты, шакъ и подобьюшь подъ ноги, а спашешь вспашешь, оправляешься, шакъ подзапыльниковъ и не оберешься! Народъ умудряется и просвѣщается со дня на день, и безхвостое это племя за все берется, во все ввязывается; подъ землю подрывается, бороздитъ по морю, креститъ по воздуху, — не присвой я себѣ жару, огня яраго, шакъ бы и не было у меня своего красного уголка, нечѣмъ было бы передъ ними похвалиться! Бьешься, бьешься, какъ рыба объ ледъ, а поживы мало, часомъ и харчи не окупаются!

Онъ оглянулся кругомъ, поводитъ рыломъ во всѣ стороны, а онъ, какъ добрый гончій, искалъ верхнимъ чухьемъ, вздохнулъ горько и сказалъ: итши добро промышляшь опселять подальше — здѣсь, въ этой землѣ, за причепомъ нашимъ, и босымъ, и

посприженымъ, приспуну нѣшъ; они и безъ нашего брата управяшя!

Онъ вспалъ и пошелъ на Воспокъ, ибо выльзъ изъ земли на самомъ крайнемъ Западъ, на взморьѣ, подъ крушымъ берегомъ, гдѣ конецъ свѣша и выдался мыскомъ въ море крайній флокъ земли, нашей часпи свѣша. Шель онъ, шель, долго ли, коропко ли, ведромъ ли, погодкой ли, а дошелъ до спраны опъ насъ западной, пригишпанской, Королевспва задорнаго; а обишающъ въ Королевспвѣ помъ люди неугомонные, неужипочные, родяшя въ нихъ замыслы несбыпочные. Тамъшо Сидоръ нашъ вспрѣпилъ опрядецъ солдашъ, на привалѣ. Солдашы шъ пришли изъ спранъ Сѣверныхъ, необозримыхъ, проспранспвомъ морю прилежащему, ледовипому, равныхъ; перешли пушемъ земли многоязычныя и опдыхали опъ шрудовъ и упомишельнаго перехода. Чоршъ подсѣлъ къ нимъ, и

началь спрашивашь ихъ : куда ребя-
шущи идете ?

— Идемъ мы, куда Макаръ шеляпъ
не гоняешъ, куда воронъ коспей шво-
ихъ не занесешъ ; идемъ подъ Спуга-
ловъ монастырь, пишъ да гуляшъ, а
не сиднемъ сидъшъ, играшъ въ мяча
чугуннаго, грызшъ оръхи каленые-яд-
реные ; идемъ хлббомъ — солью госпей
чеспвовашъ, сажашъ бокомъ-ребромъ
на прилавки желъзные, узкѣ-граненые ;
за скашерши бранья правчашья-му-
равчашья, за сполы земляные, поишъ
до упаду, хмльнымъ-багрянимъ виномъ,
опохмляшъ закусками ручными-оръхо-
выми ; приговаривашъ : не ходи одинъ,
ходи съ бапюшкою ; пригъвашъ : не
шебъ, супоспашу, на орла нашего си-
заго, на Царя нашего блага, руку за-
носишъ окаянную ! Кому пиръ, а кому
миръ — а кому суждено, разбрѣдемся-
сляжемъ по землянкамъ даровымъ, не
купленнымъ, по зимовьямъ не проспор-
нымъ, низенькимъ ; — нашему брапу

жизнь — копейка, голова — наживное дѣло!
Идемъ поживишь весело, умереть красно!

И гладко спрогаешь, и спружки кудрявы! подумалъ чорпъ, Сидоръ Поликарповичъ. Дай, еще съ нимъ пополюкую, авось, не будешь ли поживы!

— А что, служивый, чай здѣсь жишье ваше привольное, хорошее?

— Въ госняхъ хорошо, а дома лучше, опивчалъ гренадеръ.

— Здѣсь дѣвушки хороши, намекнулъ чорпъ.

Гренадеръ. Много хорошихъ, да милыхъ нѣтъ!

Чортъ. Хороши, да не милы! Сбыточное ли это дѣло?

Гр. У насъ, не по хорошу миль, а по милу хорошъ!

Ч. Такъ что же вы милыхъ покинули, а зашли къ немилымъ?

Гр. Не пиль бы, не ѣль, все на милую глядѣль — да слезою моря не наполнишь, кручиною поля не изъѣдишь, а супоспапа вашего креспомъ да мо-

лишвою не изведешь; спало бышь садись казаку на коня, а нашему брапу брашься за пицаль, да за щупъ!

Ч. Да вы, господа кавалеры, волей или неволей сюда зашли?

Гр. Наша воля — воля Царская; за него живошы наши, за него головы!

Ч. Поглядишь на вашего брапа, такъ жалосъ донимаетъ! Кабы на мою немудрую голову — чпо бы, кажись, за радосъ въ такой веригъ ходишь! Покинулъ бы чесъ и мѣспо, да и поминай какъ звали меня самого!

— А шебя самого — разпазишь, да навозъ возишь! ошвѣчалъ ему гренадеръ. — Какой эполъ спорожкой! подумаль чоршъ, Сидоръ Поликарповичъ; пойду къ другому! Дай приспану шупъ къ заносному племени эпому; къ нимъ и ходишь далеко, и проживашъ холодно. Здѣсь, во спранъ пригишанской, западной, сручнѣ будешъ мнѣ съ ними побрапашъся; а шамъ — чѣмъ опзо-

вешся, попынаюсь, съ ними вмѣспѣ, и до ихъ земли добрашься!

Нашъ новобранецъ, изъ вольноопредѣляющихся, приспаль, служилъ и ходилъ подъ ружьемъ, шерпѣлъ всю бѣду солдапскую, перемогался, но — крѣпко морщился! Ему въ первыя сущки киверомъ на лбу мозоль намяло пальца въ полпора; опъ желѣзнаго лиспа, въ ворошникѣ, шея спала неповорошливѣе, чѣмъ у сѣраго волка; широкою перевязью плеча опдавило, ранцемъ чухъ не задушило, шесакомъ икры опбило! Солдапу, говоришь, при деньги въ день, куда хочешь, шуда ихъ и дѣнь; вѣшниковъ много, да пару нѣшь, а мыляпъ, шакъ все на сухую руку! У солдапа шило брѣпѣшь, а шубы нѣшь, шакъ палка грѣпѣшь! — Эпи поговорки приѣлись мнѣ, какъ сухой ячмень беззубой кобылѣ, уходили меня, какъ кающагося грѣхи; эшо не по мнѣ! Семь недѣль, какъ въ великой поспѣ, голодомъ сиди, семь недѣль мозоли сби-

вай, покуда разъ, да и то на пощахъ, угодишь подрапья да поживишься! Чшо мнѣ за неволя въ такомъ хомутѣ ходишь! Спану жишь я по своему.

Сказано, сдѣлано. Полкъ вышелъ къ смошру, у всѣхъ и ранцы и аммуниція исправны, а у нашего Сидора ни кирпичика форменнаго, ни ваксы сухой, ни воску, ни лоску, пуговицы не чищены, нишокъ въ чемоданчикѣ, на показъ, ни сѣрыхъ ни бѣлыхъ! — Сидоръ Поликарповичъ думалъ переиначишь всю службу по своему, да и опросповолосился крѣпко! Ему это опозвалось шакъ крупно и больно, чшо онъ, забывъ всѣ благіе совѣшы и наспавленія спаросшы-сапаны, бросилъ все, и службу, и ранецъ, и ружье и суму, проклялъ жизнь и сбѣжалъ. Онъ удиралъ прои сушки безъ оглядки, набилъ плюсны и пяпки, и присѣлъ наконецъ подъ липку, перевеспи духъ. Не успѣлъ онъ еще опамяшоваться какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою человека невысокаго ро-

спу, въ низкой преугольной шляпѣ безъ пера, въ разстегнутомъ съромѣ сершукѣ, длинной жилешкѣ, въ бошфорсахъ, копорый споялъ, сложивъ руки на груди и выспавивъ лѣвую ногу впередъ, и разглядывалъ по очереди всѣ опдаленныя, черезъ доль и лѣсь пролегающія дороги, и былъ, казалось, въ нерѣшимости, копорую ему избрать. Чорпъ Сидоръ подошелъ, обнюхалъ незнакомца кругомъ, въ одно ухо ему влѣзъ, въ другое вылѣзъ, и узналъ такимъ образомъ всѣ помышленія и замыслы его. Въ это время вдругъ подмешалъ лапникъ съ космашымъ шлемомъ, и, указывая назадъ, донесъ, что онъ опяшь уже видѣлъ, мелькомъ, пики на красныхъ и синихъ дrevкахъ и нагайки. Топъ кипулся на коня и помчался спрѣлой; и нашъ Сидоръ, смекнувъ и разгадавъ дѣло, едва успѣлъ сунуть ему за пазуху письмо, копорое онъ, пригнувшись на корточкахъ, за заднею лукою сѣдла всадника, написалъ, и копорое, *при сей вѣр-*

ной оказіи, вздумалъ опсправить во пму
окромьшную, къ командиру своему, са-
шань-спароспъ, чшобы извъспить его
о плохихъ успѣхахъ своихъ и просипь-
ся домой. Сидоръ не колдунъ, да угад-
чикъ; письмо его запоздало нѣсколько,
эпо правда, но оно, заспрахованное,
дѣйспвипельно дошло наконецъ до мѣ-
спа и передано всадникомъ, съ рукъ на
руки, спароспъ-сашанъ, наспояпелю
Спопоклепу Живдираловичу; вопъ оно,
дптъ слова дѡ слова:

Письмо, опгъ чорпа послушника, Си-
дора Поликарповича, къ сашань-спаро-
спъ, Спопоклепу Живдираловичу, пи-

санное на земль, во спранъ пригишпанской, западной, и ошправленное во шму окромъшную при вѣрной оказіи, съ челоувкомъ невысокаго роспу въ преугольной шляпѣ безъ пера.

Спароспѣ нашему, Спопоклепу Живдираловичу, опѣ послушника его и нахлѣбника Сидора Поликарповича, нижайшій поклонъ; Супругъ его, Сшупожилъ Помеловнѣ, опѣ усерднаго поклонника ея, Сидора Поликарповича, многая лѣпа и нижайшій поклонъ; Тещѣ его, вѣдьмѣ чалоглазой, Каргъ Фомнишнѣ, по прозванію Рѣдечной шеркѣ, нижайшій, опѣ насъ же, поклонъ и всякая невзгода мірская; равновѣрно и сожительницѣ нашей драгоцѣнной, Василисѣ Упробовнѣ, поклонъ и супружеское наше приказаніе, заднимъ числомъ со дня оплучки нашей, пребышъ намъ вѣрной; дѣшкамъ нашимъ, сыновьямъ: Кулаку, За-

рѣзу и Запою, дочерямъ: Мохнашкѣ и Сивухѣ, родителъское наше проклятіе на вѣки нерушимое и поклонъ; брату нашему: Искусу Поликарповичу и сожигельницѣ его, Чумѣ Цареградовнѣ, дядѣ нашему: Тузу бубновому подъ крапомъ и сожигельницѣ его, Кралѣ червонной золопобрѣзной, а равно и всей преисподней, низайшій поклонъ нашъ и всякая неправда мірская и нечиспя дѣла и соблазны — желаемъ имъ всякое наише замысловъ нечеспивыхъ и успѣхъ и воздаяніе спорицею, за повесенные труды и бѣды — а о себѣ скажемъ, что мы, благодаря ходашайспву спаросшы нашего, Спопоклепа Живдираловича, и процвѣшающимъ въ краяхъ здѣшнихъ глупоспямъ и вздорнымъ пакоспямъ людскимъ, еще въ живыхъ и здравспвуемъ, хопя всѣ посильныя наши попыпки доселѣ еще мало понесли за собою плодовъ, и много мы бѣдспвій земныхъ на себѣ испышали, и оспалася за нами одна только надежда, что новое предпрія-

ше наше привесши намъ долженствуетъ
успѣхъ вящій и жагву обильную, ду-
шегубительную. А вышли мы изъ пре-
исподней, во спранѣ бѣдной науками и
художествами и просвѣщеніемъ, гдѣ
блаженствуютъ наши, и босые и по-
сприженные, на краю свѣта, — по-
чему и сочли мы за лишнее основаніе
здѣсь пребываніе наше, а опсправились
черезъ горы высокія, снѣжныя, на Во-
спокъ, и обрѣли шамъ людей, наклоп-
ныхъ къ дури и пакосшамъ, самодоволь-
ныхъ и безсовѣстныхъ; почему, рассу-
дивъ также, что оныя люди рукъ на-
шихъ не минуяшъ, раздавали мы имъ
только значки, прехдвѣпные и бѣлые,
для основанія междуособій; а попомъ и
намбривались держашъ пупъ свой еще
дагѣ на Воспокъ, какъ дошло до насъ
свѣдѣніе, что нахлынули, опъ спранѣ
сѣверныхъ люди, дужіе пѣломъ и крѣп-
кіе духомъ, имъ же несшъ числа, а спра-
на ихъ ледовица и ими любима; и за-
ложишъ, во время оно, преспавившійся

Царь ихъ, а нашъ первѣйшій врагъ, столицу свою въ земль непріятельской, и довершили ее наслѣдники Царя шого и попомки, вопреки спараніямъ и покушеніямъ нашимъ; а древною столицу свою, до которой нѣшь намъ приспуцу опть великаго множесіва церквей, коихъ числшся сорокъ сороковъ, — опспояли они нынѣ снова и подняли на дымъ, дабы не dospалась въ руки иноплеменникамъ двадесапи языковъ, подь предводшельспвомъ подручника нашего на Царя и землю ихъ покусившихся; и уморили они шѣхъ иноплеменниковъ захожихъ голодомъ и холодомъ, и уходили и извели оружіемъ, и написали сказку: О безпечной воронѣ, попавшейся во щи госпей голодныхъ; и слѣдили шого предводшеля до земли и столицы его, гдѣ мы нынѣ обрѣшаемся, и побивали его нещадно на каждомъ шагу. А посему и сочили мы за лучшую пакоспъ подбшсья къ симъ, ненависпнымъ намъ, доблеспнымъ и смирен-

нымъ воишелямъ и искусишь ихъ къ со-
вращенію съ пуши повиновенія и бла-
гочестія. Но сія попышка, не смопря-
ва то, что, усердствуя ко благу наше-
му общему, не щадили мы ни плечъ
своихъ, ни шкуры, обошлась намъ весьма
не сходно, и понесли мы опть нее накладу
болъе, чъмъ барышей. Еспь у нихъ,
напримъръ, обычай военный, что не
спрашиваешся: *отколь взять*, а гово-
ришся полько: *чтобъ было*; глядишь,
— и еспь; а чушь прогуляешъ, прогля-
дишь, такъ пошчасъ за расправу, а эшо
вовсе не по насъ! И пуще всего не-
взлюбили мы у нихъ шой музыки, что
спучашъ въ глухіе бубны, безъ бубен-
чиковъ, да подыгривающъ въ два смыч-
ка безъ канифоли, на кожаной скрышкѣ;
— испышали мы пришомъ жизнь холод-
ную и голодную, шакъ, что часомъ и
уведешъ гдѣ нибудъ быка, да негдѣ
изжаришь, некогда съѣспь; а по всему
эшому и разсудили мы наконецъ предо-
спавишь нхъ учаспи своей, покинушь, и

сбѣжають. Они же, воишли пѣ, Царей своихъ чпяють свяпо, за землю обширную, опчаспи ненаселенную и дикую, спояють всемъ оплопомъ, дружно и поровиспо, а посему успѣха намъ еще ожидають должно мало. Такимъ дѣломъ извѣдали мы быють ихъ на сушѣ, а нынѣ намѣрены, при помощи опца наспояшеля и спароспы нашего, съспѣ на корабли ихъ, здѣсь обрѣпающіеся, и держаютъ пупѣ, вмѣспѣ съ ними, чинно и пихо, до земли ихъ, и осмопрѣпѣся шамъ, на мѣспѣ, не упуская удобнаго случая взяють осѣдлоспѣ свою, какъ наказано намъ было, шамъ, гдѣ окажешся повыгоднѣе и попривольнѣе. О чемъ, здравспвуючи, будемъ не оспавляють васъ своими увѣдомленіями; а васъ просимъ усердно, находить насъ шаковыми же. А писано сіе письмо къ вамъ, черезъ самого шого, земли пригишпанской, западной, повелишеля, нашего подручника, кошорому срокъ на землѣ нынѣ вышель уже давнымъ давно и слѣ-

дуепъ ему явисься къ староспъ Спопо-
клёну Живдираловичу, во шму окромъш-
ную; но, по мнѣнію нашему, воспребуешся
послашь дюжину другую разночинцевъ
и послушниковъ, нашей брашпи, дабы
они могли уловить и увлечь съ собою
шого подручника нашего и предспа-
вить въ преисподнюю; ибо самъ онъ,
упопреля во зло долгошерпѣніе наше,
день за день просрочиваетъ и явисься
къ мѣспу оікладываетъ. А за симъ,
испрашивая опъ староспы нашего и
настоятеля и всей брашпи послушни-
ковъ, всякую невзгоду и проклятіе не-
бесное и земное, оспаемся, усердшву-
ющими ко соблазну общему, служиле-
лемъ и послушникомъ вашимъ

Чорпомъ Сидоромъ Поликарповымъ.

Приписка. Еще увѣдомляемъ васъ и о
шомъ, что онья сѣверныя спраны по-
велишель, лишь шолько первый на міро-
давца шого руку наложилъ и ошстоялъ
земли и народы и веси своя и избилъ

всю заморскую рапъ его, и опобралъ все оружіе и до пысячи огнемешныхъ липыхъ орудій, шо и всѣ земли крещенныя, досель міродавцу шому раболыпспвовавшія, очнулись и оперлись и пропшву него возспали, завопшли, и начали випши велеръчивые священнодѣйспвовапъ и писапъ воззванія доблеспнныя и пѣсни ободрипельныя войскамъ своимъ и всему народу; а понеже шой сѣверной спраны повелишель даровалъ милоспъ и пощаду всѣмъ на него посягавшимъ и карапъ ихъ болѣе не пожелалъ, а пребуешъ опъ нихъ мира и дружбы, каковое изумишельное великодушіе поразило и враговъ и новыхъ союзниковъ его, шо и не худо бы намъ, заранъ, разослапъ въ шѣ инныя земли послушниковъ нашихъ, дабы соблазнипъ всѣ народы и земли крещенныя, забыпъ, что скорѣе, шо лучше, шакое имъ оказанное безпримѣрное благодѣяніе, и заспавипъ ихъ въ безсиліи своемъ и немощи обноспъ оговорами и кле-

вешюю съверной той спраны обиа-
пелей и власшипелей ихъ, и мспишь
имъ за вышеръченное благодъянїе вся-
кимъ навѣшомъ злымъ и словомъ и дѣ-
ломъ и гдѣ чѣмъ прилучишя. О чемъ
и прошу доведши до свѣдѣнїя спаро-
сны нашего и наспояпеля Спопоклѣпа
Живдираловича: ибо замѣчено нами на
пуши нашемъ, чпо наклонносшь къ
шаковымъ намъ любезнымъ пакосшямъ
и злудъянїямъ шанпя уже въ сѣменахъ
раздора многоязычныхъ племенъ шѣхъ.

Осправивъ письмо эпо, соскочилъ Си-
доръ съ задней луки сѣдла и чупь бы-
ло не повисъ въ порокахъ! Долго ль
до бѣды, подумалъ онъ; о сѣрникъ споп-

кнешься, запылкомъ грянешься, а лобъ разшибешь! Онъ присьмь; а какъ было уже довольно поздно и Сидоръ нашъ уморился крѣпко, то и лёгъ, свернулся, на ушро вспаль, спряхнулся, совершилъ походъ въ одинъ переходъ, и съѣзъ на корабль у взморья.

Форшуна бона, подумаль чорпшъ, Сидоръ Поликарповичъ, — а онъ думашъ научился по Французски — форшуна бона, подумаль онъ, когда извѣдалъ службу нашу на морѣ; я, хопшъ языкамъ не масперъ, а смекаю, чпо пюпшонъ, чпо кнасперъ; мои губы не дурры, языкъ не лопатка, я знаю, чпо хорошо, чпо сладко! Здѣсь жизнь разгульная и всякаго добра разливное море! Каждый день идешь порція; водка, мясо, горохъ, масло; подъ бакомъ сказки, пляски, играюшъ въ дураки и въ носки, въ рыбку и въ чехорды — рядяшя въ Турокъ и верблюдовъ, въ Жидовъ и въ лягушекъ — спяшъ на койкахъ подвѣшенныхъ, какъ на каче-

ляхъ святошныхъ, — одна бѣда, про-
спорю мало, да работы много!

Онъ надѣлъ на себя смоленую рабо-
чую рубаху, фуражку, у кошорой шулья
шла къ верху уже, а на околышѣ были
вымешаны, цвѣтными нитками, зубцы
и узоры; опоясался бичевкой, привѣ-
силъ на ремнѣ ножъ въ ножнахъ кожа-
ныхъ, свайку, насовалъ въ карманы
шароваръ каболки, шавлинку, кисеть —
вымазалъ себѣ рожу и лапы смолою,
взялъ въ зубы прубченку безъ чешвер-
пи въ вершокъ, и, проглотивъ подза-
пыльника два, отъ урядника, за то,
что сѣлъ было курить на прагъ, при-
моснулся смиренно къ камбузу, гдѣ
чешная брашя сидѣла въ кружкѣ, по-
куривала корешки и почила лясы.

— Что скажешь, куцый капитанъ об-
щипаной команды, повѣренный пу-
спыхъ бочекъ? спросилъ марсовой ма-
прось прюмнаго; каково швои крысы
поживаютъ?

— Приказали кланяшьяся, не велѣли чваняшьяся! опвѣчалъ попъ.

— Не бей въ чужія ворота плетью, замѣшилъ старый рулевой насмѣшнику, не ударили бы въ швой дубиной! Въкъ долга недѣля, не узнаешь, что будешь; можешь бышь доведешся еще самому со шваброй ходить!

— Не доведешся, Миронъчъ, опвѣчалъ первый, съ форъ-марсу на гальюнъ не посылаюшъ! Безъ нашего брата на марса-реъ и шшыкъ-боушъ не крѣпшся!

— Не хвалися горохъ, не лучше бобовъ, проворчалъ претій; а кпо намѣдни разъ пять шкапорину изъ рукъ упускалъ, покуда люди не подсобили?

— Упустишь, когда изъ рукъ рвешъ — опвѣчалъ опяшъ попъ; въдь не брамсельный дулъ, а другой рифъ брали!

— У добраго гребца и девяшый валъ весла изъ уключины не вышибешъ, сказалъ Урядникъ съ Капшпанской шесшерки; не хвали меня въ очъ, не брани

за глаза, не любуйся собой, шакъ и будешь хорошъ!

— Запѣвай-ка повеселѣе какую, Сидорка, сказалъ нашему Поликарповичу сосѣдъ его; чпо пы сидишь — надулся, какъ мышъ на крупу! Ты волей приспалъ къ намъ, шакъ и зазнаешься; а у насъ, вишь, неволя скачешъ, неволя пляшешъ, неволя пѣсни поешъ!

— Не свайкой пѣшь, когда голосу нѣшь! опвѣчалъ Сидоръ, оскаливъ зубы, какъ маршъшка. Запѣвай-ка пы свою:

Здравствуй, милая хорошая моя,
Чернобровая, похожа на меня!

— На шебя? спросилъ урядникъ; надо бышь хороша была! Неужпо и съ побой какая ни естъ слюбилась? .

— Нѣшь шакого мерзавца, чпобы не нашель своей сквернавки, опвѣчалъ Сидорка. Кабы люди не сманили, и псперь бы со мной жила!

— Кабы нашего сокола вабило не сманило, спо лѣшь бы на мѣшъ си-

дѣль! подхвапиль марсовой; а какая швоя любка была, Сидорка, чернавка, или въ шебя, бѣлянка?

— Была бѣлобрысая, была и черномазая, опвѣчалъ Сидорка, было, да бѣльемъ поросло! Нашему брапу за вами, въ бубновыхъ плапочкахъ, не угопяшься!

— Да, мы шаки поспоимъ за своихъ, подхвапиль попъ же марсовой, и поспоримъ, хопъ съ кѣмъ, чпо прошивъ нашей, ниже у косноязычнаго Француза, не найдешь, ни одной! Бывало, моя, какъ приодѣнешся, да приумоепся, шакъ хопъ водицы испишь!

— Чиспоплошень больно, примолвилъ Мироньчъ, чпо за дворянинъ! Когда горохъ въ копль, шакъ спало бышь и чиспъ; брюхо не зеркало, чпо въ зубахъ, шо и чиспо!

— Горохъ горохомъ, опозвался кокъ за камбузомъ, а я въ разсолѣ изъ подь солонины, ребяша, нечего грѣха шапшь, наудиль нынѣча угрей!

— Эка невидаль, опвѣчалъ Мироньчъ, будно шо и черви, чшо мы ѣдимъ: по моему шакъ шо черви, чшо насъ ѣдятъ! Смазной, да зашягивай хопъ шы, съ дуру, пѣсню свою, про червяка черемхового!

— Погоди, опвѣчалъ Смазной, вишь шрюмный нашъ, Спирька, задремалъ, шакъ чшобъ не попревожипъ!

— Чего шупъ годипъ, на посулъ, чшо на спуль, посидипъ, да и вспанешъ, сказалъ ошяшъ первый.

— Вспанешъ, пройдешся, да и ошяшъ присядешъ; опвѣчалъ шопъ — посуленое ждешся; чшо я шебъ за пѣсенникъ дался? Много ли васъ шупъ ошчипъ до пѣсенъ моихъ? Я меньше какъ при двѣнадцати, зубовъ не оскало и голосу не подамъ!

— И дѣло, подхвашипъ марсовой; у насъ былъ, въ Касимовъ, мѣщанипъ; какъ началъ шорговашъ, шакъ бывало на пшакъ въ день ушоргуешъ, да еще два гроша сдачи дашъ — а расшорговался, поднялся съ мѣлочнова

на опшовой-валовой, шакъ въ нишкахъ пасмы не разбиваешъ, въ варганахъ полудюжины не рознишь!

Дудка просвиспѣла на шканцахъ и ошипльый голось прокричалъ въ форълюокъ: *пошолъ всть на верхъ!* Всъ кинулись, кшо въ чемъ сидѣль, и Сидора Поликарповича нашего, подль прапу, семь разъ съ ногъ сбивали! Онъ выльбъзъ послѣднимъ, и вахпенный Урядникъ, сказавъ ему, чшо онъ скоръ какъ байбакъ, поверошливъ какъ байдакъ, спросилъ, не угодно ли прописать Боцманскихъ капель? Не все линькомъ, опшвчалъ Сидоръ, можно и свиспкомъ! Да, можно, ворчалъ попъ, засядеше подъ бакомъ, шакъ васъ опшолъ калачемъ не выманншь, ломомъ не выломншь, шпломъ не выковырнешъ! Пошолъ на марса-фаль! Сидоръ кинулся на марса-фаль, а его въ шею. За чшо? Не шрёкай! Опяшь по шеъ. За чшо? Иди ходомъ, лежи валомъ, не дергай! Кричалъ: на брасы, на правую! А Сидора

въ шею. За что? Не пшани безъ слова! Опяшь въ шею; опдай, говорящъ; опдалъ—пшани! Ну словомъ, замошали бѣднаго Сидорку нашего до того, что онъ и не зналъ, куда дѣваться; куда ни сунься — урядникъ; за что ни ухватись — линекъ! Изъ бухпы вонъ! раздалось съ югу — и Сидоръ нашъ, которъй еще не зналъ ни бухпы, ни лопаря, оглянувшись не успѣлъ, какъ Боцманъ опдалъ перпулинъ; якорь полетѣлъ, пошацилъ за собою канатъ, а съ канатомъ и Сидорку, которъй не успѣлъ выскочить изъ свернувшихся оборошовъ каната, изъ бухпы, и Поликарповича, въ полпрещи мига, вмѣстѣ съ канатомъ, прошмыгнуло въ обшпый свинцомъ клюзъ, и выкинуло подъ гальюномъ, передъ носомъ корабля! Онъ вынырнулъ, ухватился за водорѣзъ, за вапершшаги, вылѣзъ на бушприщъ и споялъ долго, почесывая запылокъ, и оглядываясь кругомъ — шакнихъ проказъ онъ и во снѣ не видалъ! Онъ не могъ

опамяшоваться. Чшо за нелегкая меня сюда принесла! подумаль онъ, присѣвъ подъ кливеромъ, у эзельгофша, шущь замошаюшь шакъ, чшо съ полку своропишь, изъ ума выбьешься! Попаль я, никакъ, изъ огня, да въ воду! Какъ ни ладншь, ни годишь, а не приноровишься ни какъ къ эпой поведенци, къ морской заведенци! Не допянешь — бьюшь; перепянешь — бьюшь; а чшо и всего хуже, работа въ прокъ неидеть; пьяни, пьяни, да и опдай! Тяни, изъ шкуры лѣзь, пьяни — да и опдай! чшо эпо за капорга? По моему бы, выдраилъ въ спрунку, одинъ разъ, на шабашъ, закрѣпи, да и не замай! А шущь, не успѣль навернушь на планку либо бишенгъ, опянь сьмай, прави, опдавай — а памъ — опянь пьяни! На эпо не спанешь и силъ; у меня руки въ плечахъ опшянуло шакъ, чшо лапы въ поль-икры болшаюшся; эпо не шущка! А глядишь — завпра шоже, послѣ завпра опянь шоже.... служи самъ на-

спояпель, сапана-спароспа, когда лакомъ больно, а не я! Не охопа лапъ мочипъ, а по бы соскочилъ сей часъ, да и пошолъ! Терпъшь, видно, до первого якоря, а шамъ — и чорпъ не слуга!

Разсудилъ какъ размазалъ и не спалъ рабопашъ; опнѣкнвался, во ожиданіи первой якорной споянки, а между шѣмъ спалъ бурлилъ пихомолкомъ, задумалъ всполошилъ всю команду. Свиспашъ: *Перезую вахту на верхъ!* Сидорка забился на кубрикъ гдѣ-по, сидилъ, духъ припалъ. Кричалъ: *Авраль, авраль!* и подавно по-же; Сидорка и самъ не идетъ, и другихъ не пускаешъ! Какъ пупъ бытъ? Капшпанъ хвапился за умъ. Онъ догадался, что все это проказы заморскаго выходца, новобранца нашего, Сидора, и вздумалъ повернушь дѣломъ покрусче. Свиспашъ къ вину! закричалъ онъ вахшенному Уряднику. Урядники собрались все вокругъ гропълюка, просвиспали рѣзко и согласно къ

вину, вся команда вышла, и чоршть, Сидоръ Поликарповичъ, также выльзь. Тогда Капитанъ приказаль его схвапшшь, и, какъ перваго зачинщика, распянулъ его на локъ и вспоролъ, да шакъ, чшо съ него, съ живаго, сухая пыль пошла, чшо, какъ говоршсья, и черпямъ пошно спало! А самъ приговариваль: Я тебя взялъ на службу Государеву, одьваль и кормиль тепло и сышно, а ты умъ свой съ концевъ обрѣзаль, да и въ середкѣ ничего не оставилъ, вздумаль проказишь на свою голову — закорми чушку, шакъ будешь плакашься на прѣлежни; — шрунилъ ты надо мной, попгъшусь и я надъ тобой; проведу и я свою борозду, посшавлю надъ тобою примѣрь, чшобы у тебя, съ дуру, молодець какой нибудь, не вздумаль перенимать; передней заднему дорога; не задай оспраспки, шакъ, чего добраго, Черниговскаго олуха какого нибудь и оплешешь! Не я бью, самъ себя бьешь; кнушть не мука, а впе-

редь наука — одинъ бишый семерыхъ небишыхъ споишь! Эпо тебѣ въ за-
дапокъ; а если расмачиваешься на чи-
сную съ побою доведешся, шакъ знай,
что дѣло пойдешъ въ росшъ! Тогда
не пеняй!

Чоршъ Сидоръ Поликарповичъ, вы-
рвавшись ошъ жару шакого, какого и у
себя дома, въ преисподней, не видываль,
кинулся со всѣхъ ногъ черезъ кран-
балку и уцѣпился за одну лапу якоря,
копорый полько что былъ опданъ и
лешѣль въ воду, пошелъ съ нимъ ко
дну и впился мершвыимъ зубомъ въ или-
спый, вязкій, подѣ плишнякомъ; груншъ
морской; — а когда, на другой день,
судно спало сымашся съ якоря и чор-
па нашего едва было не доспали со
дна морскаго, шо онъ, въ бѣдѣ немину-
чей, перегрызъ зубами канашъ, у са-
маго рыма, и Боцманъ съ баку закри-
чалъ: Паль шпиль! лопнулъ канашъ,
щепнемъ перешерло и конецъ измоча-
лило! Чоршъ съ нимъ, и съ якоремъ, по-

думалъ баковъи мапросъ, копораго выпороли за одно съ Сидоркою, у нашего Царя якорей много, всѣхъ не переломашь! По крайней мѣрѣ избавились опть новобранца эшого неугомоннаго, чшо пришелъ изъ спранъ пригншпанскихъ, западныхъ, и селъ, кспаши, какъ вахлакъ на мослакь!

Такимъ образомъ чорпъ Сидоръ Поликарповичъ пропалъ, впорично, безъ вѣспи; счишался годъ со днемъ въ бѣгахъ и наконецъ изъ списковъ по сухопушному и морскому вѣдомсшву выключень. Поминаюпъ объ немъ спарослуживые, съ шремя шевронами, поминаюпъ, какъ Царя Гороха, да Ивашку, бѣлую рубашку! Чорпъ Сидоръ пропалъ, концы схоронилъ и слѣдъ проспылъ! Какія приключенія и похождения проходилъ и извѣдалъ онъ на днѣ морскомъ, мореплавателъ ли какой, со всѣмъ причепомъ и пожипками своими, моремъ хладнымъ объяпый и во мракъ багровомъ, до искупленія своего, по дну

морскому крейсирующій, или другой кпо, приняли-приопили, наспавили и научили Сидорку нашего — эшого я и не зналъ, да позабылъ; а у меня память такая куриная, что, чего не знаешь, того и не помнишь! Знаю только, что вскоре послѣ того, какъ случилось съ Сидоркою рассказанное въ сказкѣ нашей приключеніе и похождение, спавъ показывался оборотень какой-то въ кудрявыхъ и пропихныхъ Азахъ, конми расчеркиваются чиновные и должностные наши. — Онъ, Сидорка, по роги выставишь, по ногой лягнешъ; по когти покажешъ, по языкъ высужешъ, по хвостомъ, какъ мушкетеромъ, пыль взобьешъ, — а самъ, съ той поры, ни когда и никому болѣе въ руки не даешся и на глаза не показывается; удавалось, правда, изрѣдка, сбить ему рогъ, такъ выросла опять новый, покрупче перваго; посадили ему было, какъ-то, языкъ въ лещедку, такъ онъ за перо; — и видѣлъ его, цѣлкомъ, одинъ

только сватъ мой Демьянъ, да и по во снѣ! Сидишь, сказывалъ, лоскутъ краснаго, чернилами испяпнаннаго сукна подосплавши, зашираешъ чернильные орѣшки съ купоросомъ, съ камедью — чинишь перья скорописчики — пожечки подпачиваешъ, смолку, на подчипку, изговляешъ; — сватъ Демьянъ подошелъ было къ нему, съ дуру, во снѣ, хотѣлъ поглядѣть на него такъ шопъ, накормилъ его палками, напоилъ чернилами, да началъ было на него писать, на листѣ форменнаго формапа, доносъ; — такъ мой Демьянъ опъ него опрекся, опчурался; я, говоришь, ни воръ, ни пьяница, въ домостроительствѣ не замѣченъ, такъ во мнѣ, для тебя, хотъ пы двадцать стопъ испиши, ни русла, ни ремесла; человекъ я маленькій, полуграмошный, шкурка на мнѣ поненькая, да и та казенная — пишу я по казацки, супоспапа, шапкою по запылку, коня Донскаго нагайкою по ребрамъ; такъ пы оп-

вяжись, и не пяпнай доброй славы моей,
чтобы всякъ могъ говорить и нынѣ,
какъ говаривали вспарь:

Козакъ душа правдивая,
Сорочки немае —
Коли не пье, такъ воши бье,
Таки не гуляе!

Чортъ Сидоръ Поликарповичъ задалъ
еще, никакъ, оспраску кумъ Соломо-
нидъ — а впрочемъ оспался при хлѣб-
номъ и щецломъ ремеслѣ своемъ и при
мѣспѣ — онъ выписалъ изъ преисподней
супругу свою, Василису Ушробовну,
сыновей: Кулака, Заръза и Запоя, доче-
рей: Мохнашку и Сивушку, и живесть
съ ними притѣваючи! Онъ доходами и
самъ сыпѣ и подушное, за себя, и за
всю семью свою, по послѣдней ревизіи,
сапанѣ-наспояшело, Спопоклепу Жив-
дираловичу, уплачиваесть, а супругу его,
Спупожилу Помеловну, дарилъ не одно-
крашно, къ праздникамъ, камачею, кам-
кою, ожерельями и плашками; мѣспа же

своего покинуть не думаетъ, а впился и въѣлся такъ, что его теперь уже не беретъ ни опшваръ, ни присышка!

Вошь вамъ сказка гладка; смекай, у кого есть догадка; кто охочъ, да не гораздъ, пошь поди, я съ нимъ, глазъ на глазъ, еще пополкую; — а кто гораздъ, да не охочъ, пошь прикуси языкъ, да опойди прочь!

Конецъ.

